

МАКСИМ ГАУСС

МАЙОР

18+

Максим Гаусс

Майор. Назад в СССР. Книга 16

«Автор»

2026

Гаусс М.

Майор. Назад в СССР. Книга 16 / М. Гаусс — «Автор», 2026

Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс. СССР, Зима 1989 года. Советский Союз крепко стоит на ногах, развал предотвращен. Однако последняя операция в Пакистане получилась грязной - разведчики сильно наследили, что создало свои проблемы. Громов получает новое звание, но вместе с тем его лишают командования Спектром и отправляют далеко на Север...

© Гаусс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В неведении	5
Глава 2. Домой	11
Глава 3. Безжалостная машина	17
Глава 4. Егор Максимович	22
Глава 5. Беркутов	30
Глава 6. В Архангельск	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Гаусс

Майор. Назад в СССР. Книга 16

Глава 1. В неведении

Пожалуй, дело сделано. О результатах мы наверняка узнаем, но позже. Теперь нужно уходить.

Я дал едва заметный знак Савельеву медленно отступать к двери. Оружие не опускали — обстановка могла поменяться мгновенно. Пакистанские офицеры замерли, не зная, как реагировать. С одной стороны — мы угроза, пусть и не явная. С другой, они помнили про снайперов, а потому не знали, что можно предпринять.

Командир дивизиона, бледный как мел, стоял, глядя в пол, и тяжело дышал. Оператор отодвинулся от пульта, снова посмотрел на висящий на спинке автомат. Савельев предусмотрительно снял с них магазины, но это слабо утешало. Поднять тут стрельбу — раз плюнуть. Достаточно кому-нибудь из них совершить необдуманную глупость.

— Ничего не трогайте! — сказал я на пушту, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы уходим. Через пять минут можете поднимать тревогу. Или не поднимать — решать вам. Но запомните, это решение хотя и радикальное, но тем не менее, вы спасли тысячи жизней. Когда-нибудь вы это поймете. Но совершенно точно вам это зачтется!

Командир поднял на меня глаза. В них была усталость, злость и что-то еще — может быть, сомнение. Или понимание.

— Покиньте мой гарнизон! — тихо сказал он.

Я шагнул к выходу и вдруг заметил на стене, прямо над дверью, небольшую аптечку с красным крестом. Армейская, стандартная. Похоже на АИ-1, только в другом формате. Наверняка обезболивающее там имелось. Я сдернул ее с крепления, быстро вскрыл. Бинты, жгут, шприц-тюбики в заводской упаковке, но с разными цветами. Ножницы, вата.

— Что здесь обезболивающее? — громко спросил я, посмотрев на ближайшего оператора.

— Синий! — отозвался тот.

Я кивнул, вытащил и сунул его в карман. Остальное бросил.

— Что ты делаешь? — прошептал Савельев, не опуская пистолета.

— А сам-то как думаешь? — ответил я. — Достая тебе обезболивающее, как и обещал!

Он только кивнул. Видно было, что хоть он и держался на морально-волевых, ему все равно было тяжело.

Мы осторожно и спокойно выбрались из фургона, все так же со скрытыми лицами.

Солнце уже близилось к закату, а жара стояла просто невыносимая. Хоть в фургоне и работала принудительная вентиляция, внутри все равно было ощущение того, что находишься в нагретой душегубке. Душно, воняло потом.

Во дворе дивизиона было тихо — как-то слишком тихо. Подозрительно.

Расчеты замерли у пусковых, глядя на опустевшие направляющие. Кто-то курил, кто-то переговаривался вполголоса, размахивая руками и активно жестикулируя. Офицеры стояли чуть поодаль, растерянно оглядываясь. Никто не бегал, не кричал, не поднимал тревогу. Вероятно, они были в шоке от того, что командованием осуществлен несанкционированный запуск всех заряженных пусковых установок. Это хорошо — но первоначальный эффект продлится недолго. Просто еще никто не догадался, что в кабине управления что-то произошло.

Они просто не знали, что делать. Ведь, скорее всего, подобного никогда не происходило.

Запуск ракет без приказа — это не просто нарушение. Это серьезнейший инцидент, который сулит большими проблемами всему гарнизону, особенно офицерскому составу. Для карьеры. А может, и для жизни. Командир дивизиона сейчас наверняка решал, как объяснить начальству то, что несколько минут назад произошло на объекте.

Учебная тревога? Сбой системы? Несанкционированный пуск? Любой вариант звучал плохо, ведь разбирательство будет и те, кто будет его проводить, непременно выяснят, что коды были введены лично командиром. А это нужно как-то объяснить!

Да, если добавить к этому двух вооруженных чужаков, которые захватили пункт управления, возможно, что-то и получится... Очевидно, что пакистанцы признаваться в содеянном не будут. Легче было придумать что-то другое. К тому же техника — она иногда барахлит. Неважно, советская или китайская.

Мы скрытно выдвинулись к оврагу, стараясь не привлекать внимания. Я шел первым, Савельев за мной, прижимая раненую руку. Никто нас не окликнул, никто не побежал следом. Солдаты смотрели в небо, туда, где исчезли огненные хвосты, и не замечали ничего вокруг. Тревоги не было.

Преодолев колючие заграждения, миновав растяжку, я остановился, достал из кармана шприц-тюбик. Савельев прислонился к каменной стене, бледный, как мел.

— Терпи, — сказал я, вкалывая обезболивающее прямо через одежду. — Сейчас станет полегче!

— Спасибо, — выдохнул он, прикрыв глаза. Затем через секунд сорок, добавил. — Чувствую, как отпускает. Хорошая штука.

— Пакистанская медицина. А может, и еще чья-то. Какая разница чья, главное работает! Мы продолжили путь дальше.

До мотоцикла оставалось минут двадцать хода. Я уже начал расслабляться, когда из-за поворота, буквально в двух метрах от нас, вышел солдат. Молодой, с небольшой темной бородой и автоматом Калашникова наперевес, в типичной помятой форме. Откуда он взялся и что здесь делал — сказать сложно. Он что-то испуганно крикнул, но я не разобрал.

Савельев дернулся, хватаясь за пистолет, но я его опередил.

Я быстрым рывком продвинулся вперед, выбросил руку с ребром ладони. Удар пришелся в шею, левее кадыка. Солдат охнул, глаза закатились, и он начал заваливаться. Автомат с лязгом упал на камни.

Я подхватил обмякшее тело, мягко опустил его на землю, оттащил за камни. Автомат и подсумок с магазинами забрал с собой — пригодится. Дорога до границы неблизкая.

— Живой? — спросил Савельев, глядя на неподвижное тело.

— Живой. Через полчаса очухается. Голова поболит, но это не смертельно.

Мы ускорили шаг. Через десять минут выбрались из оврага, поднялись к мотоциклу. Он стоял там, где мы его и оставили. Я проверил бензобак. Внутри плескалось от силы на пять-шесть километров.

— Долго не проедем, — сказал я, покачав головой.

— Неважно, сколько получится, столько и проползем. Найдем что-нибудь по дороге.

Двинулись на северо-запад, по горной дороге. Савельев теперь выглядел получше, хотя я понимал, как ему тяжело. Обезболивающее, безусловно, действовало, но рука на перевязи выглядела хреново. Нужен был врач, нормальная перевязка, антибиотики. Но до границы было далеко.

Проехать нам удалось километра четыре, потом двигатель заглох.

— Все, электричество кончилось! — пошутил я, глядя на Леху. Тот хмыкнул.

Дальше шли пешком, сначала вдоль дороги, потом заметили тропу, что уходила в горы. Судя по всему, ею недавно пользовались.

Я прокручивал в голове события последнего часа. Да, ракеты ушли. Пять из шести достигли цели, если верить словам оператора. Да, они могли попробовать ввести левые координаты и произвести запуск по пустому месту — этот момент я контролировал и видел их работу. Все совпадало.

Бен Ладен не должен был выжить. Даже если бы он и прятался в подвале, обломки стен, камни, ударная волна, огонь... пять ракет. Шансов у него не было. Но и у меня уверенности не было. Никогда нет уверенности, пока не увидишь тело врага своими глазами, пока не убедишься, что оно уже не встанет.

Примерно минут через сорок мы вышли к развилке.

Дорога раздваивалась: одна уходила на север, в горы, вторая — на запад, к границе. На обочине стоял старый, облезлый пикап. В кузове, сваренном из листов железа и арматуры, топтались козы. Никакого вооружения на нем не было. Капот был поднят, из-под него торчали чьи-то ноги в сандалиях. Когда мы подошли ближе, то услышали бление, а затем и какие-то ритмичные завывания.

— Это еще что за звуки? — удивился Леха.

— Песня.

Я подошел еще ближе. Водитель — явно местный житель. Не военный. Худой, загорелый, в грязной рубаше и шароварах. Он возился с двигателем, то ругался на урду, то продолжал петь какую-то песню. Изредка вытирал пот со лба.

Выбравшись из-за машины, он увидел нас и сразу же замер. Глаза расширились.

— Салям, — сказал я на пушту. — Не пугайся. Извини, но нам нужна твоя машина.

Он растерянно попятился, забормотал что-то про семью, про то, что он бедный человек. Просил его не трогать. Савельев встал с другой стороны, перекрывая путь к отступлению.

— Эй, спокойно! — сказал я. — Мы не собираемся тебя грабить, мы арендуем твой пикап, понимаешь? Машина нужна сейчас. Она на ходу?

— У меня нет денег, — заикаясь, ответил он. — Я простой крестьянин, еду в город за лекарствами...

— Слушай, довези нас до какого-нибудь города! Покажешь дорогу, машина останется у тебя. Мы тебя не тронем.

Он смотрел на меня, потом на Савельева, потом на пистолет, который я не прятал. Понял, что в его положении спорить с двумя вооруженными людьми не имело смысла.

— Хорошо, — выдохнул он. — Машина на ходу, но она перегрелась. Я почти закончил, мне нужно еще минут десять.

— Хорошо, подождем. Только не совершай глупостей, договорились?

Через десять минут он, действительно, закончил, закрыл капот. Я хотел сесть за руль, но передумал. Пустил местного на водительское место. Савельев — рядом с ним, а сам сзади. С помощью карт я мог контролировать дорогу до границы.

Двигатель завелся с пол-оборота — японская техника, она надежная. И неважно, что старая. Пикап выехал на дорогу, и мы покатали на запад.

Дорога была разбитой, но лучше, чем ничего. Через час нас остановил патруль — трое солдат на военном грузовике, с пулеметом в кузове. Водитель сбавил скорость, затем и вовсе остановился.

Сердце у меня колотилось, но лицо оставалось спокойным. Савельев вел себя точно так же — никакой паники. Когда паникуешь, неминуемо допускаешь ошибки.

— Куда едете? — спросил сержант у водителя.

— В Пешавар, — ответил тот. — К родственникам. Дядя заболел.

Он посмотрел на меня, потом на Савельева. Тот сидел, опустив голову, пряча перевязанную руку. Лицо бледное, но живое.

— А вы кто?! — прищурился патрульный, окинув нас внимательным взглядом. — Документы есть?

— Слушай, откуда у меня документы, а? — активно жестикулируя, возразил Леха. — У меня и карманов-то нету. Ты бы еще у коз документы проверил!

— Хамза, оставь их в покое! Пусть едут! — окликнул проверяющего другой боец. — Я эту машину знаю, Абдулла, проезжай!

— Хорошо! — обернувшись, кивнул сержант. — Но будьте осторожны, в горах на севере неспокойно.

— Что случилось? — спросил я, изображая озабоченность.

— Не важно, — ответил он и махнул рукой. — Езжайте!

Я облегченно выдохнул. Обстановка уже начала накаляться, причина тому, скорее всего, из-за нас. Но пока никто ничего толком не знал. Это хорошо. Нужно поскорее выбраться из этого района.

Через час попался еще один пост, потом еще один. Но нас даже не останавливали, что искали — непонятно. Видимо, наш пикап не вызывал подозрений, потому что ездил здесь не первый раз. Старая машина, местный номер, проводник в кузове — все выглядело обычно.

К вечеру мы добрались до небольшого городка. Глинобитные дома, пыльные улицы, прохаживающиеся. Здесь нужно было залечь на дно, как-то связаться со своими.

— Где это мы? — спросил Савельев.

— Кажется, это Дульмира, но я не уверен. Слишком маленький населенный пункт, чтобы быть на карте. Главное, что здесь нет патрулей. Отсюда до границы — километров четыреста.

— Отпустите меня, — попросил водитель, напомнив о своем существовании. — Я никому ничего не скажу. Клянусь Аллахом.

— Отпустим, — немного подумав, пообещал я. — Но сначала помоги найти дом, телефон или радио. Нам нужно связаться с Кабулом.

Он замялся, потом кивнул.

— У моего знакомого есть небольшая лавка. Там был телефон, вроде бы он работал. Но это почти в самом центре Дульмиры. Там на вас сразу обратят внимание.

— Неважно. Проведешь?

Он снова кивнул.

Мы вышли из машины. Пикап оставили в переулке, прикрыв брезентом. Савельев держался рядом, но я видел, что он был бледным и уставшим. Нужно было торопиться.

Улицы были почти пусты — только женщины в чадрах, старики на лавках, дети, играющие в пыли. Никто не обращал на нас внимания. Чужие здесь были нормальным явлением, они то появлялись, то исчезали.

Магазин оказался небольшой лавкой, где торговали продуктами и хозяйственными мелочами. Хозяин — бородатый мужчина лет сорока — сначала испугался, но наш водитель что-то быстро объяснил ему на урду. Тот кивнул, провел нас в подсобку.

— Звоните, — сказал он, указывая на старый дисковый телефон, который оказался междугородним. — Только быстро. Линия может работать, а может и нет.

Я набрал номер кабульского штаба ХАД. Долгие гудки. Потом щелчок, и голос — сухой, официальный.

— Слушаю.

— Это Хорек, — четко сказал я. — Мне нужен генерал Хан. Срочно.

Пауза.

— Хорек... А! Капитан, где вы?

— В Дульмире. Соедините меня с Ханом.

Еще пауза. Щелчки. Потом голос изменился — теперь он был женским. Я сразу узнал его.

— Это Лейла. Где вы? Твое командование на ушах стоит, тебя ищут!

— Хорошо, что ищут. Значит, еще нужен. Лейла, слушай внимательно. Мы на территории Пакистана, в какой-то торговой лавке. До границы — четыреста километров. Нужна срочная эвакуация. Я понимаю, что отсюда нас никто не сможет забрать, но мне сейчас нужно хоть какое-то решение. Обстановка очень беспокойная.

— Еще бы! — голос ее дрогнул. — Сегодня утром пакистанская армия неожиданно нанесла ракетный удар по долине Сват. Ликвидирован Бен Ладен, а вместе с ним вся охрана, штаб, склады с оружием. Официально заявили, что это была операция ИСИ против боевиков, но мы считаем, что все совсем не так.

Я перевел дух. Сработало.

— Хорошие новости, — чуть улыбнувшись, сказал я.

— Максим! Твоих рук дело?

— Можно сказать и так. Не просто же так я торчу посреди этих гор. Потом расскажу, сейчас не спрашивай. Сейчас главное — вытащить нас отсюда. Со мной раненый, нужна медицинская помощь.

Лейла замолчала. Я слышал, как она о чем-то совещается с кем-то на заднем плане. Потом снова заговорила.

— Что за лавка?

Я переадресовал вопрос хозяину лавки. Тот ответил.

— Лагга Сири.

— Отлично. В городе, где вы находитесь, есть наш человек из ХАД. Он вас найдет. Ждите на окраине города. И не высывайтесь.

— Как его узнать?

— Он сам вас узнает. Ждите.

Связь прервалась.

Я положил трубку, повернулся к Савельеву.

— Ждем. Теперь это единственное, что мы можем.

Он кивнул, тяжело опустился на ящик. Проводник и его знакомый стояли в углу, не зная, что делать. Я достал несколько долларов, протянул хозяину.

— За телефон. И за молчание. Нам нужно пересидеть у вас немного.

Тот взял деньги, кивнул.

Прошло около двух часов. Солнце уже садилось, в лавке зажгли керосиновые лампы. Я начинал нервничать — слишком долго. Савельев дремал, привалившись к стене. Вдруг дверь скрипнула, и внутрь тихо вошел человек.

Невысокий, коренастый, в местной одежде. Лицо обычное — такие не запоминаются. Он огляделся, увидел меня, подошел.

— Капитан Громов? — спросил он на русском, с легким акцентом.

— Да.

— Меня зовут Ахмад. Лейла передала мне указание о вашей эвакуации. Но есть проблема.

— Какая?

— В стране введено чрезвычайное положение. После утренних событий пакистанцы закрыли границу. Они патрулируют все дороги. Сами не знают, что ищут. Выехать пока невозможно.

— Нам нужно в Афганистан, — сказал я. — Любым способом.

— Это нереально сейчас. Но есть другой путь. На север, через горы. Там старая тропа, ею пользуются контрабандисты. До границы три дня пешком, — он посмотрел на Савельева. — Но с раненым не получится. Слишком долго.

— А вертолет? — спросил я.

— Нет. Сейчас любое нарушение воздушного пространства будет расценено как агрессия. Это очень серьезно.

Я знал. Мы нанесли удар по их территории. Официально — они сами. Но если всплывет правда...

— Тогда как же нам добраться до границы?

Ахмад покачал головой.

— У меня приказ оставаться здесь. Но я дам вам надежного проводника. Он знает дорогу, у него есть машина и деньги. И продукты, воду, лекарства. Мне нужно два часа на подготовку фиктивных документов. Сейчас русским разведчикам лучше сидеть и не высовываться.

Я кивнул. Другого выхода не было.

Проводник — молодой парень, почти мальчишка — шел впереди, легко перепрыгивая с камня на камень. Савельев еле передвигал ноги, но держался. Я нес трофейный автомат, пистолет. И надежду, что мы успеем.

Сзади, в долине, оставался городок, патрули, солдаты. И новость, которая очень скоро облетит весь мир — Бен Ладен уничтожен. Мы справились. Еще бы теперь домой вернуться. У меня так-то супруга скоро должна рожать...

Глава 2. Домой

Нашего проводника звали Ахмед.

Когда я спросил про его возраст, тот ответил, что ему двадцать лет, но на вид я бы больше шестнадцати ему не дал. Впрочем, внешность обманчива. Он плохо говорил по-русски, но зато на пушту объяснялся достаточно неплохо. Иногда переходил на урду.

Еще при выходе из Дульмиры, я спросил, знает ли тот, где поблизости есть толковый врач, на что тот ответил, что знает и это как раз по пути. Когда он увидел раненого Савельева, ему все сразу стало понятно.

— Переломы он тоже лечит. Все лечит. Только не сразу.

Мы шли за ним уже около часа, когда он вдруг остановился, поднял руку.

— Вот этот кишлак, — сказал он, показывая вниз, в небольшую долину, где к скалам примостилось несколько одноэтажных домов, окруженных каменными стенами. В некоторых из них горел тусклый свет. — Там живет доктор. Русский.

Я переглянулся с Савельевым. Тот держался, но ему требовалась перевязка. Нужен был нормальный врач, а не уколы обезболивающего и полевые перевязки на скорую руку.

— Русский? — удивленно переспросил я. — Откуда он здесь?

Ахмед пожал плечами.

— Я не знаю, но говорят, что раньше он был солдатом. Больше двух лет провел в плену у афганских моджахедов во время войны, на границе. Душманы держали его долго, даже заставили принять ислам. Он военный врач, поэтому его не убили. Когда все закончилось и душманы были разбиты, он сбежал и теперь живет здесь. Лечит всех, кто бы ни пришел. Деньги не берет. Только еду, вещи и лекарства, если есть.

— Тогда веди, — сказал я.

Кишлак и в самом деле был маленький — десятка два глинобитных домов, прилепленных к склону. Никаких признаков военных, никаких патрулей. В это время суток улочки и переулочки были почти пусты. А те жители, что попадались на пути, на нас почти не обратили внимания.

Дом доктора стоял на отшибе. Одноэтажное строение из камня и глины, с плоской крышей и маленьким двориком, где сушились какие-то травы. Ахмед постучал в дверь, что-то крикнул. Дверь открылась, и на пороге появился он.

Человек лет сорока пяти, невысокий, коренастый, с сединой в волосах и глубокими морщинами на лице. Одет в местное — шаровары, рубаха, поверх жилет, а под ним угадывалась старая тельняшка. По загорелому лицу было видно, что он не мусульманин. Глаза были усталые, но взгляд внимательный, оценивающий.

Он посмотрел на меня, потом на Савельева, и что-то дрогнуло в его лице.

— Что случилось? — спросил он на русском. Голос хриплый, с непривычным акцентом, но слова правильные.

— Десантировались, ветер на скалу кинул. У товарища рука сильно пострадала. Нужна помощь.

— Ясно! — он быстро посмотрел по сторонам, затем кивнул. — Заходите!

Мы зашли внутрь. В доме было чисто, пахло травами, спиртом и еще чем-то отдаленно знакомым. На стенах — полки с банками, склянками, пучками сушеных растений. В углу — топчан, накрытый чистой тканью.

— Садись, — кивнул он Савельеву. — Руку показывай.

Я помог Лехе снять куртку, размотал покрытую пятнами крови перевязку. Доктор присвистнул, когда увидел распухшие пальцы.

— Давно?

— Со вчерашнего вечера, — ответил я.

— Дурак, — бросил он, обращаясь к Савельеву. — Надо было сразу вправлять. Теперь воспаление. Хорошо, что пришли. Еще сутки — и можно было бы резать. Ладно, сейчас попробую что-нибудь сделать.

Вообще-то, вправлять такие переломы тоже опасно, можно еще хуже сделать, если нет опыта в таких делах. Именно поэтому и я не стал лезть туда, где ничего не соображаю. Будь с нами Док, тот бы сразу нашел верное решение и сделал все необходимое. А так, я просто обездвижил конечность, обмотав толстым слоем бинта.

Врач быстро засучил рукава, достал из-под топчана потертый саквояж. Оттуда — инструменты, какие-то склянки. Я помогал, как мог: подавал, держал, когда нужно. Леха стиснул зубы, когда доктор начал вправлять пальцы, но не издал ни звука.

— Кость не сломана, — сказал тот, заканчивая осмотр кисти. — Но вывих достаточно серьезный. Я не рентген, но скорее всего, все так и есть. Два пальца сломаны, но я их поставил. Теперь нужен покой, противовоспалительное и антибиотики. — Он полез в саквояж, достал ампулы, шприц. — Повезло, есть еще запасы. Американские. Остались с тех времен, когда ЦРУ кормило наших душманов. А теперь мне отдают за еду.

— Ты вообще кто? — спросил я, глядя, как он ловко ставит укол Савельеву. — Врач?

— Был, — он усмехнулся, но без веселья. — Когда-то. В Союзе закончил учебу, стал фельдшером. Потом армия, Афганистан. Был прапорщиком медицинской службы. В восемьдесят пятом попал в плен. Душманы хотели меня обменять, но что-то не срослось. А я врач, когда они узнали, меня увели вглубь территорий оппозиции. Лечил их, их семьи. Принял ислам. Потом, когда война кончилась, уже некуда было возвращаться. После женился. Вот так и живу.

— Не хочешь домой?

Он посмотрел на меня выразительным взглядом.

— Домой? Куда, в Союз?

Я лишь кивнул.

— Нет. Там меня никто не ждет. Четыре года прошло. Наверняка я числюсь погибшим или пропавшим без вести, родственников там почти не осталось. Да и те, что остались, похоронку получили. Забыли уже. А здесь... здесь я нужен. Лечу, помогаю тем, кому нужно. Русских, афганцев, пакистанцев. Война не кончилась. Она просто стала другой, — он перевязал руку Савельеву, зафиксировал поплотнее свежими бинтами и соорудил новую перевязь. — Все. Теперь покой. Дня три не напрягать. Антибиотики и противовоспалительные колоть нужно. Я так понимаю, вы пытаетесь в Союз вернуться, раз вас Ахмед ведет?

— Да. Только трех дней у нас нет, — сказал я. — Нам нужно к границе.

Доктор подумал немного, кивнул. Достал из саквояжа еще несколько ампул, сунул мне в карман.

— На некоторое время хватит. И бинты. Менять каждый день, обрабатывать, промывать. Иначе заражение.

Я кивнул. Нужно было заплатить за оказанную помощь. Полез в карман, но он остановил меня.

— Не надо. Денег я не беру, это все знают. А вот еда и одежда... — он повернулся к нашему проводнику, что все это время молчал, стоя в тени. — Ахмед, во дворе под навесом есть схрон. Знаешь?

— Знаю, — кивнул тот.

— Покажи им. Возьмите, что нужно. Одежду, продукты, воду в бочке наберете, — он посмотрел на меня. — Оружие нужно?

— Свое есть, — ответил я.

— Тогда больше вам тут делать нечего, уходите. Сейчас уже поздно, но лучше идти сейчас. И кстати, до границы слишком далеко. Про людей генерала Хасана слышали?

Конечно же, это имя мне говорило о многом. Это тот самый генерал, из-за которого я едва не погиб в прошлый раз. После нашей спецоперации, его обескровленная армия разбежалась.

— Слышал, — сказал я. — А что?

— Остатки его людей обитают на северо-западе Пакистана, у иранской границы. Нападают на караваны, на торговые колонны. Раз уж вы хотите перейти границу, то лучше всего там. Но нужно быть осторожными. Все, уходите. Уже поздно.

И верно. Он провозился с Савельевым почти два часа. Сейчас была глубокая ночь.

Ахмед вывел нас во двор, откинул брезент в углу. Под ним оказался небольшой деревянный ящик, а в нем тайник — несколько мешков, тюки с одеждой, канистры с водой, вяленое мясо, консервы. Мы быстро переоделись: вместо мокрой от пота и грязной рваной одежды моджахедов — чистая местная. Я оставил при себе только пистолет и нож. Все, что могло выдать в нас иностранцев, сунули в мешок и завалили камнями здесь же.

— Так надежнее, — сказал я Савельеву. — Если остановят, мы — местные охотники. Или торговцы. У обоих борода более-менее соответствует легенде. Ахмед, если что, ты будешь говорить. Мол, мы туристы из Ирана.

— Я понял, — кивнул парень.

Мы вышли из кишлака через минут двадцать. Доктор некоторое время еще стоял на пороге, смотрел нам вслед. Я обернулся, кивнул. Он ответил тем же.

— Спасибо за оказанную помощь!

— Живите, — ответил он. — И больше сюда не возвращайтесь.

Мы двинулись дальше.

Ночь была темная, душная. Безлунная. Ахмед шел впереди, уверенно, не сбавляя шага. Я — следом, помогая Савельеву. Рука его была зафиксирована, антибиотики начали действовать, жар спал. Но силы, само собой, еще не вернулись. Ему после такого ранения в норму приходится недели две, не меньше. И то, если в госпитале толковый врач попадется.

К утру мы вышли в широкую долину. Внизу, у подножия холма, рядом с небольшим одиноким сараем стоял старенький пикап «Тойота» белого цвета, но основательно заляпанного грязью.

— Наш, — сказал Ахмед. — Хозяин дает за деньги. Мы доедем до границы. Ключи у меня есть.

Я не стал задавать лишних вопросов. В конце концов, ХАД давно работали в Пакистане и многие моменты были отлажены. Завербованный Ахмед — не исключение.

Он сел за руль, я — рядом с ним, Савельев — в кузов, на мешки. Двигатель завелся без проблем, и мы покатали на север.

— Так, теперь я вам расскажу, какой будет дальнейший план. Граница, которую мы будем переходить, не с Афганистаном, — сказал Ахмед, когда мы выехали на более-менее ровную дорогу. — Мы едем к границе с Ираном. Там проще перейти, есть договоренности с пограничниками. А уже оттуда — в Афганистан. Проведу вас, а потом сам обратно.

— А ты доедешь?

— Доеду. В прошлый раз же доехал.

— Ясно. А почему там перейти проще?

— Потому что на территории страны был ликвидирован влиятельный гость. Пакистанцы сейчас все дороги перекрыли. Ищут тех, кто мог иметь к этому отношение. Ахмад, на которого я работаю, считает, что все это чушь и никого они не найдут, потому что даже не знают, кого искать. Но предполагают, что это могли быть русские. Или индийцы. Никто не знает. А на иранской границе — договоренность. Кто-то из афганских генералов договорился.

Я усмехнулся про себя. Хан. Это мог быть только он. Значит, Лейла была права.

— А что там врач говорил насчет Хасана? — спросил я.

Ахмед помрачнел.

— Это правда. После того как их разбили, они разбежались по горам. Часть из них теперь мародерствует. Грабят кишлаки, нападают на машины. Дороги беспокойные. Но мы проскочим.

Мы ехали молча. Дорога петляла между скалами, иногда уходила в ущелья, потом снова поднималась на перевалы. Пыль стояла столбом, солнце пекло немилосердно. Я смотрел на проплывающие мимо горы и думал о доме.

Лена. Она должна была родить со дня на день. Я помнил ее лицо, когда уезжал. Она не плакала, не просила остаться. Просто терпеливо сказала: «Возвращайся». И я возвращался. Всегда возвращался.

А в голове всегда предательски проскакивала мысль — вдруг этот раз станет последним? И что тогда? Ребенок вырастет без отца, Лена останется одна... Я гнал эти мысли прочь, но иногда они возвращались.

В пути мы провели около суток. За это время миновали почти двести километров. Двигались строго на северо-запад, в сторону Ирана. В пикапе был запас горючего, запасное колесо, а большего не требовалось.

— Максим, — окликнул Ахмед, к вечеру следующего дня. — Ты спишь?

— Нет. Так, дремлю. Думаю.

— О доме?

Я посмотрел на него. Парень смотрел на дорогу, но в профиль было видно, что он улыбается.

— О доме, — признался я.

— Хорошо иметь дом, — сказал он. — У меня тоже есть дом. Там, в горах. Мать, отец, братья. Я вернусь, когда заработаю. Мне хорошо платят, чтобы я иногда помогал таким, как вы. Это нормально.

— А когда же ты намерен вернуться?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Но я все равно вернусь. Скучаю по семье. И ты скучаешь, это видно.

Савельев в кузове снова задремал. Он почти все время спал. Днем я накрыл его влажными тряпками, вымоченными в реке. По такой жаре это была необходимая мера. Я проверил его — дышит ровно, рука вроде бы выглядела получше, лицо бледное, но не такое, как раньше. Лекарства действовали.

— Сколько нам еще? — спросил я.

— До границы? Километров тридцать.

Дальше дорога оказалась хуже, чем я думал. Местами приходилось объезжать завалы, местами — пробиваться через мелкие реки, где мосты были в аварийном или полуразрушенном состоянии. Ахмед вел машину уверенно, объезжая опасные участки, но скорость была низкой.

К границе выехали часа в четыре утра. Впереди, в дымке, угадывались горы — это уже Иран. В нескольких километрах от нас — КПП. Сравнительно небольшое — такие пересекать проще. Несколько бетонных блоков, шлагбаум, вышка с наблюдателем. Пакистанский флаг. Иранский — чуть дальше, за нейтральной полосой.

— Дальше пешком? — спросил я.

— Нет. На машине. Договоренность есть.

Ахмед подъехал к шлагбауму. Из будки вышел пакистанский пограничник, сонный, небритый. Что-то спросил. Ахмед ответил, показал какие-то бумаги, что лежали в бардачке. Пограничник посмотрел на меня, на Савельева, махнул рукой своим. Шлагбаум поднялся.

— Все, что ли? — не поверил я. — Что-то подозрительно легко!

— Ну да, — кивнул Ахмед. — Говорю же, договорились. Они деньги любят. Все их любят.

Мы без проблем пересекли нейтральную полосу.

Иранский пост выглядел более серьезно. Новые бетонные укрепления, несколько солдат с автоматами, офицер в новенькой форме. Но и здесь сработала договоренность. Офицер внимательно осмотрел документы, потом водителя и пассажиров. Спящий Савельев его заинтересовал больше всего, но вопросов он не задавал.

Спустя пару минут, кивнул, что-то сказал на фарси. Солдаты открыли ворота.

Мы въехали на иранскую территорию.

Ахмед облегченно выдохнул, я тоже. Савельев приподнялся в кузове, огляделся.

— Проехали?

— Проехали, — ответил я. — Остался последний рывок.

Теперь дорога шла на северо-восток, к афганской границе. Здесь было спокойнее — патрулей почти не было, только редкие посты, которые пропускали нас без вопросов. Ахмед гнал машину, стараясь наверстать упущенное.

— Сколько до границы? — спросил я.

— Около полутора часов. Если никто не помешает.

К сожалению, помешали. И едва не напиговали свинцом.

Мы выехали на открытый участок, когда впереди показалась засада. Три пикапа, перебивших дорогу, и люди с автоматами. Не военные — оборванные, злые. Бородатые морды, одежды, оружие вразнобой. Все стало ясно: мародеры Хасана. Те самые, о ком предупреждал врач.

— Твою мать, — выдохнул я. — Ахмед, жми!

Тот вдавил педаль в пол. Пикап заревел двигателем, рванул вперед, подпрыгивая на камнях. Сзади застрочили автоматы, пули застучали по бортам, выбивая искры. Я пригнулся, вытащил пистолет, но стрелять было бесполезно — слишком далеко.

— Быстрее! — заорал я.

Ахмед и так жал. Мы проскочили левее пикапов, накрыв их клубами пыли. Сзади еще стреляли, пули свистели то справа, то слева. И все же мы проскочили. И хорошо, что не стреляли — это был бы лишний способ преследовать нас и дальше.

Я перевел дух. Савельев лежал в кузове, прижимая перевязанную руку. Ему там было сложнее всех.

— Жив? — спросил я.

— Жив, — ответил он. — В который раз.

Через полчаса мы были у афганской границы. Здесь уже не было постов — только старый пограничный столб и колючая проволока, местами порванная. Ахмед остановил машину.

— Дальше пешком, — сказал он. — Километра полтора, за той грядой. Там вас ждут.

Я вылез из кабины, помог Савельеву спуститься. Ахмед протянул мне руку.

— Удачи, вам. Возвращайтесь домой, вам это нужнее.

— Спасибо, парень. И тебе.

Мы двинулись к проволоке. Перелезли через нее, спустились в сухой ров. Прошли несколько сотен метров, затем свернули за гряду. С той стороны, за небольшим холмом, нас уже ждали.

Вертолет стоял в низине, прикрытый маскировочной сеткой. Рядом — несколько человек в советской форме. И знакомый силуэт у открытой двери.

— Дорин, — усмехнулся я.

— Товарищ Громов! — он кивнул. — Снова по вашу душу! А это кто такой? — он показал на Савельева.

— Свой. Руку на задании повредил, но доктор сказал, что жить будет, если вовремя помощь окажут. Вывезешь нас?

— Забирайтесь. Сделаю в лучшем виде.

Мы забрались в вертолет. Дорин поднял машину, и его «Абакан» взмыл в небо, уходя на север.

Я откинулся на сиденье, закрыл глаза и облегченно выдохнул. Внизу проплывали горы, ущелья, редкие огоньки кишлаков. Где-то там осталась долина Сват, крепость, превращенная в руины и террорист, который хотел устроить джихад в моей стране.

Он не успел. Не смог. И никто не сможет.

Мы все сделали, пусть и совсем не так, как планировалось.

— Гром, — донесся голос Дорина в наушниках. — Игнатъев передал слова Хорева: «Жду с докладом. И чтоб оба были живые».

Я усмехнулся.

— Передай — оба живые. Скоро будем.

Вертолет уверенно шел на северо-запад. Внизу уже была афганская земля — чужая, но знакомая. До Кабула оставалось минут сорок полета.

Я закрыл глаза и позволил себе расслабиться. Впервые за последние дни. Впервые за эту долгую, бесконечную операцию, которая началась в Кабуле, прошла через Пакистан, Иран, и вот теперь заканчивалась здесь, снова в небе над Афганистаном.

Бен Ладена больше не было.

Теракт не случился.

Люди в Волгограде, внизу, у плотины, ничего не знали. Они спали, жили своей жизнью, не подозревая, что где-то там, в горах, двое русских разведчиков только что предотвратили катастрофу, которая могла смыть их дома, их семьи, их будущее. Все потому, что без личной команды террориста, его люди ничего сами не сделают. Им просто никто не заплатит.

— Гром, — громко позвал Савельев, не открывая глаз. — А что дальше?

Я подумал. Что дальше? Отчет Хореву, разбор полетов, возможно — выговор. А может, и нет. Мы сделали то, что должны были. Остановили врага до того, как он ударил.

— А дальше, Леха, — сказал я, — домой. Жена у меня скоро родит. А у тебя?

Он открыл глаза, усмехнулся.

— А у меня — работа. КГБ без дела не сидит. Да и семья тоже заждалась.

— У тебя семья есть?

— Конечно! Ты же не думал, что я тут сам по себе?! Жена, ребенок. Но сначала — госпиталь. Я, пожалуй, отлежусь там пару недель. Устал, что-то очень.

— Правильное решение.

Вертолет снижался. Внизу показались строения Кабула. Я смотрел на них и чувствовал, как отпускает напряжение, которое копилось сутками. Как уходит страх, боль, усталость. Остается только понимание — мы сделали это. Мы победили, пусть и таким радикальным способом. На угрозу нужно реагировать соответствующе. Мы показали, как нужно.

Но я знал: это не конец. Бен Ладен мертв, но его идеи — нет. Будут другие. Другие войны, другие угрозы. И где-то там, в будущем, нас снова позовут. Потому что это наша работа.

Но сейчас — домой. К жене, семье.

Вертолет коснулся земли. Аппарель открылась, и в лицо ударил сухой, горячий воздух. Я спрыгнул на бетон, помог спуститься Савельеву. На летном поле уже ждали: Игнатъев, Лейла, наши ребята, вернувшиеся из Волгограда. А вот Хорева не было: он либо в штабе, либо в Москве.

— Здорова, командир! — крикнул Шут, бросаясь ко мне. — Живой? Руки-ноги на месте?

— Живой, — ответил я, обнимая его.

Игнатъев подошел, посмотрел на меня долгим взглядом. Я ждал чего-то вроде выговора, но тот протянул руку и произнес:

— Макс, рад тебя видеть живым и здоровым! Генерал ждет. Правда, настроение у него дрянь...

Глава 3. Безжалостная машина

— Это у него настроение дрянь? — переспросил я, глядя на Игнатьева. Затем тяжело вздохнул. — Ну, ладно. Это плохо или очень плохо?

— Сам увидишь, — ответил майор и отвернулся. — Но как всегда, я на твоей стороне!

— Что слышно по Бен Ладену?

— Точной информации нет. ХАД работает с пакистанским ИСИ, обстановка сложная.

Я посмотрел на свои руки. Грязь, въевшаяся в поры коричневая пыль. Одежда пропахла потом, гарью и еще чем-то несвежим. И это еще несмотря на то, что мы позаимствовали из тайника доктора более-менее чистую одежду.

В таком виде идти к генералу? Да плевать. Не в театр приглашают.

— Лейла, — окликнул я девушку, — присмотри за Савельевым. Ну, чтобы его по-быстрому в госпиталь определили. Людей из КГБ здесь еще нет, не на кого ответственность возложить. А он мой друг.

— Не беспокойся, уже половина дела сделана, — ответила она. — Его уже забрали. Скажи, руку спасут. Но пальцы...

Я кивнул, сжав зубы. Ну, и то хорошо, что в таких условиях он еще держался, как мог.

Игнатьев на штабном УАЗе отвез меня к зданию штаба ХАД.

Длинный коридор, знакомые двери, знакомый запах с того времени, как мы день и ночь работали по террористу.

— Ну что, сейчас будет разбор полетов! — заметил Игнатьев, кивнув на дверь кабинета Хорева. — Заходим?

Я кивнул. Постучался.

Генерал-майор Хорев стоял у окна, спиной ко мне. Форменный китель расстегнут, на столе — карты, папки, стакан с остывшим чаем. Пепельница полна окурков. Пахло табаком, потом и еще чем-то старым. Воздух был буквально пропитан напряжением. Я все гадал, что же произошло такого, что заставило его так сильно нервничать?

— Товарищ генерал, капитан Громов по вашему приказанию прибыл, — доложил я, встав по стойке смирно.

Хорев не обернулся. Несколько секунд стоял молча, потом медленно повернулся. Глаза красные, под глазами мешки. Но взгляд — тяжелый, цепкий.

— Здравствуй, Максим, — сказал он тихо. — Живой. Хотя я уже всякие варианты перебрал, пока пытался понять, как тебя найти и вытащить оттуда живым!

— Так точно, были такие моменты, что я и сам...

— Идиот, — вдруг сорвался он. — Дурак! Ты понимаешь, что ты наделал? Ты... — он осекся, махнул рукой, отошел к столу, сел в кресло. — Садись, черт с тобой.

Я сел. Жестко, на край стула, руки на колени.

— Докладывай, — приказал Хорев.

— Операция прошла успешно, товарищ генерал. Цель, скорее всего, уничтожена. Бен Ладен, по имеющимся данным, находился в крепости, расположенной в долине Сват, в момент ракетного удара. Выжить он не мог.

— По имеющимся данным, — передразнил Хорев. — А по имеющимся данным, капитан, ты практически устроил международный скандал. Пакистанцы воют на всех углах, что на их территории действовала советская разведка. Что именно мы приложили руку к тому, что у них там ракеты летали! И самое главное, что у них есть доказательства!

Он бросил на стол несколько фотографий. Я взял, посмотрел. Рюкзаки. Наши рюкзаки. Те самые, что остались у точки десантирования. Парашюты. Снаряжение. Гильзы от ПБ-1С. Очевидно, что все советское.

— Нашли, значит... — пробормотал я. Некоторое время я думал об этом, но потом возникли другие проблемы, поэтому этот момент сам собой отошел на задний план.

— Нашли, — кивнул Хорев. — Пакистанская контрразведка работает не хуже нашей, причем, как оказалось, они тесно сотрудничали с боевиками Бен Ладена. Они были на точке десантирования, а вы там нашумели достаточно. Теперь они уверены, что русские проникли на их территорию с целью диверсии, а сюда можно приплести что угодно.

— Мы проникли с целью ликвидации террориста, — возразил я. — Который готовил удар по нашей стране. Который купил тонну взрывчатки и отправил ее в Иран. Который...

— Я знаю! — Хорев ударил кулаком по столу. — Я все знаю, Максим! Но ты думаешь, это кого-то волнует? Ты думаешь, в Москве сейчас разбираются, кто прав, кто виноват? Одна угроза вроде бы отступила, но на ее месте возникла другая, сугубо политическая. Сложность еще и в том, что в долине Сват, во временной резиденции Бен Ладена был представитель Министерства Обороны Пакистана. Понимаешь, что это значит?

— Бляха-муха! — выругался я. — Об этом я не думал.

— Я тебя не виню, всего учесть невозможно. И я понимаю, почему вы поменяли план. Но в Москве не понимают. Там сейчас думают, как замять набирающий обороты скандал. У них нет четкого доказательства того, чтобы связать запуск ракет и следы нашего присутствия. Но я уверен, они будут. Вы ведь не сами зенитно-ракетный комплекс наводили на цель! Теперь важно не допустить международного расследования. И я напоминаю, Америка только и ждет повода, чтобы очернить Советский Союз на мировой арене.

— Лейла сообщила, что Бен Ладен мертв.

— Это предварительная информация. Есть ли доказательства? — Хорев посмотрел на меня в упор. — Ты можешь предъявить мне его тело? Фотографию? Анализ ДНК? Я слышал, что англичане активно развивают это направление в генетике.

Я молчал. Про подобные анализы, конечно же, слышал. Проблема в другом.

— Нет, — не дождавшись ответа, продолжил он. — Нет доказательств. Спутник сделал снимки через десять часов после удара. Пять ракет накрыли долину Сват, уничтожив больше семидесяти процентов территории крепости. Но Бен Ладен мог выжить. Мог спрятаться в подвале, в катакомбах. Мог забиться в какую-нибудь дыру. Мы не знаем. У нас нет ничего, кроме ваших слов. И еще, шестая ракета хотя и промахнулась, но попала в хребет. Был спровоцирован обвал, который зацепил один из кишлаков.

Да твою же мать. Надо же, как обстоятельства сошлись. Захочешь такое повторить, хрен получится!

Конечно, может быть и так, что Пакистанское правительство просто нагнетает обстановку, пытаясь выжать из ситуации максимум. Опять же, не без помощи ЦРУ.

— Товарищ генерал, вы мне не верите?

— Верю, — устало сказал Хорев. — Я тебе верю, Максим. Я знаю, что ты человек дела. В лепешку расшибешься, но сделаешь. Вот только я не вся Москва. Я — не КГБ, не Центральный Комитет. Там другие люди со своими интересами, и им нужны факты. А фактов-то и нет.

Он встал, прошелся по кабинету. Я смотрел на него и понимал — сейчас будет что-то важное. То, ради чего он меня вызвал. То, что объяснит его дрянное настроение.

— Я не сразу обо всем узнал, КГБ поставило меня в известность, когда ты уже покинул Кабул. Задание, которое вы получили, было простым и понятным. Вы со старшим лейтенантом Савельевым должны были скрытно проникнуть в логово террориста и ликвидировать его. Тихо. Без шума. Без свидетелей. Так задумывалось на бумаге, мозгами, которые сами с автоматом не бегают. По сути, это точечный удар иголкой, но зато в самое сердце.

Я кивнул.

— А получилось хреново. Во всех смыслах. Вместо того чтобы следовать плану, вы фактически устроили в сердце страны локальную войну, захватили ракетный дивизион. Навели

и выпустили шесть ракет по пакистанской территории. Убили, по предварительным данным около ста пятидесяти боевиков, возможно, и гражданские лица, которые тоже находились в зоне поражения. Пакистанцы требуют объяснений, американцы трубят о «советской агрессии».

— Что по ГЭС известно?

— Хотя здесь хорошие новости. Сегодня днем КГБ накрыло точку дислокации людей Бен Ладена в Волгограде, которые как раз готовились к теракту. Можно предположить, что угроза теракта миновала. Ну и само собой, иранцы закрыли глаза на то, что взрывчатка шла через их территорию, и теперь делают вид, что ничего не знают. А мы сидим и думаем, что делать. Так все же, почему ЗРК?

— Мы приняли такое решение потому, что иначе было нельзя! — ответил я. — Мы не могли проникнуть в крепость. Не успели бы. Савельев был ранен. Боевиков — больше сотни. У нас из оружия только пистолеты. Если бы мы попытались действовать по первоначальному плану, нас бы просто размазали. А Бен Ладен продолжил бы свою кровавую эпопею!

— Знаю, — повторил Хорев. — И поэтому я не снял тебя с должности сразу после того, как услышал доклад. Потому что ты прав. По сути — прав. Но по форме... по форме, Максим, вы с Савельевым нарушили все мыслимые инструкции. Пересекли границу без санкции. Вступили в бой с армией союзного нам государства, захватили стратегическое вооружение. Использовали его против боевиков. Это не вписывается в рамки даже самых смелых операций.

— Нам нужно было выполнить задание любой ценой, — сказал я. — Мы его выполнили.

— Да, выполнили, — кивнул Хорев. — И теперь, фактически, я должен отвечать за то, как вы его выполнили. Что касается тебя...

Он замолчал, вернулся к столу, сел. Достал красную папку, открыл, пробежался глазами по бумагам.

— Приказом начальника Главного Разведывательного управления, от сегодняшнего числа, — начал он, — капитан Громов отстраняется от должности руководителя группы «Спектр». До особого распоряжения. На время служебного расследования, вам, товарищ капитан, предписывается прибыть в Москву, сдать дела и должность, а также находиться в распоряжении кадрового отдела.

Я молчал.

— Это не мое решение, — сказал Хорев, глядя на меня. — Это решение людей, которые сидят выше. Им нужен крайний. Кто-то, на кого можно списать все. Ты — самый удобный вариант.

— Я — удобный вариант, — повторил я. — А как же Савельев? Его тоже отстранят?

— Савельев не в ГРУ, — покачал головой Хорев. — Комитет Госбезопасности своего Савельева отмажет, ведь рука руку моет. Он их человек и там все устроено иначе. Сказали, что он действовал по заданию и в рамках своих полномочий. А ты, получается, нет.

— То есть я — крайний?

— Ты — командир группы, — жестко сказал Хорев. — Ты принял решение остаться в Кабуле, фактически без моего приказа. Ты принял решение лететь в Пакистан. Ты принял решение захватить дивизион. Такова субординация.

Я встал. Не знаю, зачем. Просто почувствовал, что сидеть больше не могу.

Надо же, как все получилось. Меня использовали, причем коварно и дерзко. Ну, это в стиле нашего руководства — бей своих, чтобы чужие боялись. Да-а, я не предполагал, что все обернется таким вот образом. Интересно, а сам Савельев об этом знал?

— Товарищ генерал, разрешите обратиться? — спокойно спросил я.

— Обращайся.

— Вы сказали, что я принял решение остаться в Кабуле. А кто, по-вашему, меня попросил об этом? Полковник Черненко. КГБ. Если бы я улетел с группой, Савельев бы отправился туда один и, скорее всего, погиб бы. Или попал в плен. Или еще что. Я остался, потому что

меня попросили. Я действовал в интересах страны. Я не жалею о своем решении, жаль, что это не всем понятно.

— Я на твоей стороне, — Хорев вздохнул. — И в рапорте я указал все, как было. Но Москва решила иначе. Черненко свою роль сыграл. А мы теперь расхлебываем.

— Выходит, Черненко – тот еще змей? Ну, ничего, земля круглая, можно за углом встретиться! Ну и что дальше?

— Зависит от того, что покажет расследование. Но пока ты уходишь в отпуск, Максим. Возвращайся домой. К жене. Ребенок скоро родится, если я не ошибаюсь.

Я сжал кулаки. Это было несправедливо — я рисковал своей шкурой на благо всего советского народа, а об меня, можно сказать, ноги вытерли?!

— Вот значит, как?!

— Война несправедлива, — мрачно сказал Хорев. Видно было, что ему от этого самому не по себе. — И политика тоже. Ты это знаешь лучше других. А теперь — свободен. Если не ошибаюсь, в двадцать два ноль-ноль в Ташкент летит Ил-76. Документы там.

Он кивнул на папку. Я взял ее, повернулся к двери.

— Максим, — окликнул он, когда я взялся за ручку, — я сделал все, что мог. Ты — хороший офицер. Но иногда дерьмо случается!

Это он хорошо сказал. В самую точку. Ну ничего, не смертельно.

Быть может, от меня теперь наконец отстанут? Посадят куда-нибудь в кабинет, чтобы бумажной работой занимался и не отсвечивал?! Может, вот он тот переломный момент, которого я ждал?

— Так точно, товарищ генерал, — ответил я, не оборачиваясь. — Разрешите идти?

— Да, конечно.

Я вышел. В коридоре стоял Игнатьев, смотрел на меня с сочувствием.

— Все плохо?

— Прорвемся! — кивнул я.

Через несколько часов борт до Ташкента. Потом пересадка на Москву. Сейчас нужно привести себя в порядок, а то я не пойми на кого похож.

Я вышел на улицу, сел на скамейку, на которой когда-то разговаривал с Лейлой. Вспомнил тот вечер. Другое время. Другие заботы.

— Гром, — сзади, со стороны городской черты ко мне подошел Шут. — Я слышал...

— Все нормально, — перебил я, не дав ему закончить. — Отпуск дали. Домой лечу. А вы работаете. Градов вернется из Красноводска, примет командование. Или другой кто. «Спектр» без меня не развалится.

— Гром...

— Не надо, — сказал я. — Всё правильно. Я нарушил. Я отвечу.

Шут хотел что-то еще сказать, но передумал. Только хлопнул по плечу и ушел.

Через два часа я был в самолете. Ил-76, военный борт, летел до Ташкента с посадкой на дозаправку. Я сидел в хвосте, на откидном сиденье, сжимая в руках папку с документами. В ней — рапорт, приказ об отстранении, предписание на отпуск.

Я летел домой. Домой.

Ташкент встретил меня точно такой же духотой, что и в Афгане. Я пересел на рейсовый самолет, гражданский, до Москвы. Время в пути — четыре с половиной часа. Я спал, прислонившись к иллюминатору, и не видел снов.

В Домодедово я вышел из самолета в половине девятого утра. Почти пустой аэропорт, редкие пассажиры, запах парфюма и сигаретного дыма. Скорее домой, скорее к Лене. Даже слов не мог подобрать, как я по ней соскучился.

Я взял такси — старую «Волгу», вроде той, на которой герой Юрия Никулина Семен Семенович Горбунков разъезжал по Сочи.

Москва уже проснулась. Люди спешили по своим делам, а я даже не помнил, какой сегодня день недели.

Водитель остановился у подъезда. Я расплатился, вышел. Поднялся на третий этаж, позвонил в дверь.

Дверь открылась. Передо мной была Лена, в халате, с книгой в руках. Увидела меня, замерла от неожиданности.

— Максим!

— Я дома, — сказал я.

Она шагнула ко мне, обняла, прижалась. Животик был круглый, как шар.

Мы стояли так несколько минут. Целуясь, обнимаясь. Она плакала. Смеялась. Что-то говорила, но я не разбирал слов. Только гладил ее по волосам, вдыхал запах, чувствовал тепло.

— Живой, — шептала она. — Любимый. Мой.

— Живой, — ответил я. — Твой. Прости, что меня так долго не было рядом. Снова.

Она отстранилась, посмотрела на меня. Глаза мокрые, но счастливые.

— Так, ты наверняка голодный?

— Голодный, — признался я.

Она кивнула, скрылась на кухне. Я слышал, как звякает посуда, шумит чайник, и чувствовал, как уходит напряжение. То, что копилось неделями. То, что держало меня в узде.

— Сын будет, — крикнула Лена. — Или дочь. Я еще не знаю, не хочу знать. В поликлинике сказали, что скоро роды. Пусть это будет сюрпризом.

— Сын, — уверенно сказал я. — Я чувствую.

— Ну-ну.

Я прошел на кухню, мы болтали обо всем. Я помогал с готовкой.

Мы сидели несколько часов. Разговаривали о пустяках — о погоде, о соседях, о том, что в магазинах появилась новая колбаса. Я слушал ее голос, смотрел на ее лицо и думал о том, что это — главное. Не задания, не рапорты, не приказы. А это. Здесь. Сейчас.

Лена уснула первой, уронив голову мне на плечо. Я сидел, смотрел в окно, на темное московское небо, и думал.

Отстранение. Расследование. Несправедливость.

Да, это было обидно. Да, это было зря. Но Хорев был прав: война несправедлива. И политика тоже. А я всего лишь офицер. Маленький винтик в большой машине.

Я поцеловал супругу, укрыл пледом, выключил свет. Сам лег на диван, положив руки за голову.

В голове крутились мысли. Бен Ладен. Ракеты. Крепость. Паркер. Все это казалось сном, который закончился, но оставил след. Надолго. К черту эту войну!

Я дома, с любимой супругой. И у нас скоро будет ребенок. А все остальное неважно.

Глава 4. Егор Максимович

02:12, 15 августа 1988 года, Москва. Квартира Громовых.

Я проснулся от того, что Лена беспокойно ворочалась рядом. Она тяжело дышала, то и дело меняла положение, на какое-то время затихала, потом все начиналось по новой. В какой-то момент она встала, сходила в ванную. Пробыла там несколько минут и вернулась обратно.

Несколько секунд было тихо.

— Максим, — позвала она, тронув меня за плечо.

— А? — я мгновенно сменил горизонтальное лежачее положение на вертикальное сидячее, словно по тревоге. — Что случилось?

— Кажется, началось.

Мысли в голове перевернулись. Я неуверенно улыбнулся, посмотрел на ее живот, положил руку. Напряженный, плотный, теплый.

Схватка. Я ждал, отсчитывая секунды. Через минуту отпустило.

— Уже час, — пояснила она. — Я думала, пройдет..., но нет. Наверное, пора в роддом!

— Сейчас, — сказал я спокойно, хотя внутри все дрожало. — Я подготовлю все.

Военный человек, он всегда и во всем пунктуальный. С большой оговоркой, зависит от того, какой человек и с какими привычками. Я пунктуальный, предусмотрительный и запасливый. У меня для Лены уже четвертый день как был подготовлен тревожный рюкзак, как раз для этого случая. Все самое необходимое, правда, возможно, лишнее. Я-то собирал все с оглядкой на двадцать первый век, когда даже в платный роддом нужно ехать со своим барахлом. Элитные не в счет, там главное — заплати, а тебя со всех сторон облизнут и оденут как нужно.

Можно было вызвать скорую, но это долго и неудобно. Лучше своим ходом, тем более дорогу туда я знал хорошо. Правда, своей машины у меня по-прежнему не было. Но у меня и тут был продуман резервный вариант. Я накинул рубашку, натянул джинсы, вышел на балкон. У соседей справа горел свет — пенсионер Николай, бывший милиционер, тоже почему-то не спал, несмотря на поздний час. Я вышел из квартиры, постучал в дверь.

Тот вышел через несколько секунд.

— О, Максим, — пробормотал он, глядя на меня удивленным взглядом. Судя по всему, он выпил. — Чего не спишь? Случилось что-то?

— Ну, можно и так сказать, — улыбнувшись, ответил я, — Дядь Коль, у Лены роды начинаются. Нам срочно в роддом нужно. Можно вашей машиной воспользоваться? Как и договаривались, верну в том же самом виде, в каком взял и даже лучше.

Он не стал задавать ненужные вопросы, только кивнул и скрылся в прихожей. Через минуту протянул связку ключей.

— ВАЗ-2105, желтый. Стоит во дворе, у второго подъезда. Заводится без проблем. Только осторожно, тормоза иногда проседают.

— Спасибо, дядь Коль. Тогда мы помчали.

— Удачи вам! И смотрите, чтоб здоровые родились! — бросил вдогонку подвыпивший сосед.

— Обязательно! — отозвался я, скрываясь за дверью.

Я вернулся в квартиру, помог ей одеться. Затем схватил «тревожный мешок» рванул вниз, заводить машину. Отыскал ее без проблем — хоть это и Москва, но годы еще не те. Дворы личным автотранспортом еще не забиты так, что хрен проедешь. Сейчас машины можно по пальцам пересчитать.

Завел двигатель, вновь поднялся в квартиру и помог ей спуститься к машине.

Лицо бледное, но спокойное. Она всегда была сильной — даже вспоминать не хочется, через что ей уже довелось пройти с моим непосредственным участием. Таким багажом, как у нее, мало чья супруга похвастается.

— Садись, — я открыл дверь, помог ей устроиться. — Пристегиваться не нужно, чтобы ничего не навредило. Просто держись за ручку. Поехали?

Она кивнула. Дыхание было тяжелым, глубоким.

Я осторожно выехал со двора, стараясь не трясти. Москва спала, улицы были практически пусты. Я знал дорогу, знал, где можно прибавить, где сбросить. Роддом имени Грауэрмана на Арбате — я изучил маршрут заранее, на всякий случай. Предусмотрительность — весьма полезный навык, который я периодически совершенствую. На службе не всегда реагирую, а в бытовых делах это несложно, зато крайне полезно.

— Дыши, — сказал я, когда очередная схватка скрутила ее. — Глубоко. Считай про себя.

— Считаю, — выдохнула она. — Шесть... семь...

— Молодец. Так держать.

Я смотрел на дорогу, но краем глаза видел ее лицо. Она не жаловалась, не паниковала. Только сжимала ручку двери так, что костяшки побелели. Я протянул свою руку, она вцепилась в нее.

— У нас все будет хорошо, — сказал я. — Ты справишься. Ты у меня самая сильная.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Знаю. Ты столько времени ждала меня из Афгана, сама отбивалась от душманов. А Сирия? Это было куда тяжелее, чем родить. На такое далеко не каждая способна. А тут — пара часов, врачи, медсестры и ты уже с сыном на руках. И я счастливый у регистратуры.

— Сын? — она даже забыла про боль. — Думаешь, все-таки будет сын?

— Уверен. Я чувствую.

В прошлой жизни у меня была дочь, но из-за своих вечных командировок я ни на роды ее не успел, ни пока росла, должного внимания не оказывал. В общем, чего удивляться, тогда отец из меня был хреновый. Больше я такой ошибки не допущу.

Она улыбнулась.

Мы проехали мимо пустых троллейбусов, мимо спящих домов. Я вел машину уверенно, не гнал, но и не тянул. Лена иногда постанывала, я сжимал ее руку, утешал, подбадривал.

Роддом показался из-за угла. Я подъехал к центральным воротам, которые в это время суток были закрыты. Посигналил. Из будки вышел охранник, посмотрел на меня, заглянул в салон и все понял. Открыл одну из створок, та с едва слышным скрипом распахнулась почти до самой стены.

— В приемный покой прямо и налево, — сказал он. — Не заблудитесь. На первом этаже горит свет, внутри дежурная бригада.

Я заехал на территорию, остановился у крыльца. Вышел, помог Лене выбраться. Она стояла, опираясь на меня, дышала часто.

— Сама дойдешь?

— Да. Я же беременная, а не инвалид! — усмехнулась она и тут же охнула. Лицо тут же стало серьезнее — сосредоточилась на самочувствии.

Мы поднялись по ступеням. Внутри горел яркий свет, пахло медикаментами и чистотой. Дежурная медсестра — женщина лет пятидесяти — взглянула на нас, сразу засуетилась.

— Фамилия?

— Громова Елена.

— Давность схваток?

— Часа два, может, больше.

— Проходите сюда, налево. Садитесь на кушетку, я посмотрю. А вы, папаша, ждите в коридоре. Вот вы тут сейчас точно лишний.

Лена послушно прошла в смотровую, а я остался в коридоре. Осмотрелся — пусто. Слева — ряд неудобных деревянных кресел. Они были своеобразным напоминанием той эпохи, когда подобный элемент интерьера был во всех государственных медучреждениях страны. Да и вообще. Справа длинный коридор, на стенах деревянные плакаты.

Медсестра вышла через минуту, что-то записала в журнал.

— Все нормально. Рановато еще, но раскрытие хорошее. Часа через два-три родит. Вы с собой документы привезли?

— Конечно.

— Значит, пока времени свободного много, документы заполните. Вот ручка, вот форма. Там дальше стол есть.

Я прошел в указанном направлении, сел за стол, взял ручку. Я писал, стараясь не торопиться, хотя руки дрожали от волнения. Закончил минут через двадцать, все отдал другой медсестре, помоложе.

После меня оставили одного, в гордом одиночестве. Судя по всему, ночь сегодня у них тихая — либо мы первые, либо мне показалось. Так прошел час, но не было никаких новостей. Я бродил туда-сюда по коридору, волнуясь. Честно говоря, я на боевых выходах в Афганистане и Сирии так не переживал. Там же все просто — думай, не торопись и стреляй. За себя я не переживал, ребята из группы всегда на подхвате и знают, что делать. А здесь я переживал не за себя, а за супругу и ребенка. Ведь как ни крути, а от меня тут больше ничего не зависит.

— Так, папаша! — в коридоре вновь появилась пожилая медсестра, — Вы бы лучше домой поехали, что толку топтаться? Или поспите в машине. Завтра приходите, часам к девяти.

— Нет, — ответил я. — Я здесь побуду.

— Мешать с расспросами не будете?

— Нет.

— Тогда сидите. Но тихо.

Она ушла, а я снова остался один. В коридоре царила глухая тишина, только где-то в глубине здания слышались голоса, звон металла, шум воды. Торопливые шаги где-то наверху.

Волнение? Еще какое! Оказывается, матерые разведчики тоже волнуются. Мы же не роботы.

И все же я не позволял ему взять над собой верх. Супруге сейчас тяжелее, чем мне. К тому же, это первые роды — из-за неопытности они почти всегда сложнее. Ей нужна моя уверенность. Если я начну паниковать, она мысленно это тоже почувствует. А этого допускать нельзя.

Я снова встал, прошелся по коридору. Сел. Опять встал. Ничего не мог с собой поделать.

Время тянулось медленно. Я смотрел на часы каждые пять минут, хотя знал, что это бессмысленно. Иногда из-за дверей доносились приглушенные крики, но я не мог разобрать, чьи они. Стискивал зубы и ждал.

Через два часа, ближе к шести утра, дверь открылась. Медсестра посмотрела на меня, ободряюще улыбнулась и ушла. Мол, все в порядке. А еще через минут сорок я услышал ее крики. Попробуй не узнать родной голос. Я заволновался еще больше, подскочил к двери в отделение. Мне хотелось чем-нибудь помочь, но я тут был бесполезен. Мысленно представлял, что я сейчас с ней.

Удивительно, но это длилось недолго. Примерно минут через двадцать, дверь открылась. В проеме стояла врач — женщина лет тридцати пяти, в традиционном белом халате, с усталым, но довольным лицом.

— Максим Громов? — негромко спросила она, хотя кроме меня в коридоре больше никого не было.

— Да. Как она?

— Все у Елены замечательно, не переживайте. Поздравляю, у вас родился сын. Три восемьсот пятьдесят, рост пятьдесят четыре сантиметра. Родился в шесть пятьдесят семь. Здоровый, крепкий малыш. Роды тоже прошли хорошо, без осложнений. Молодая мама чувствует себя нормально, сейчас отдыхает. В общем, все. Вы отстрелялись!

Я облегченно выдохнул. Выдохнул так, словно не дышал все эти часы. Потом спросил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Можно ее увидеть?

— Нет, не сейчас. Через пару-тройку часов. Сейчас она отдыхает, а возможно, уже и спит. Будить нельзя. Приходите часам к десяти. Вам тоже нужно отдохнуть, а здесь у вас это просто не получится.

— Спасибо, — восторженно сказал я. — Спасибо вам большое. Как вас зовут?

— Мария, — слегка растерялась она.

— А отчество?

— Мария Павловна.

— Мария Павловна, это вам в качестве благодарности. — я протянул ей обычный конверт, в который заранее положил деньги. Да, в Союзе так было не принято — это сугубо современная тенденция, которая вроде и хороша, но со своими минусами. Если счастливые родители хотят поощрить доктора, почему нет? Но совсем другое, когда к будущим мамам относятся без уважения, без должного внимания. Совершают ошибки. Мол, ну вы же не платите, так чего нам вокруг скакать? Подобное уже давно стало нормой. Жаль, что подобное имеет место быть.

Несколько секунд она просто хлопала глазами, держа в руках конверт. Когда она поняла, что внутри, то опешила.

— Так! — строго заявила она. — Это еще зачем? Не нужно... Вот еще, это же моя работа!

— Вы правы, работа. Но работу можно делать по-разному, — парировал я. — Главное — ответственность, внимательность и забота. А это просто маленькая благодарность за вашу отдачу, за контроль и успешные роды. Берите, а то мы с Леной обидимся и больше к вам не придем. Нам, вообще-то, скоро еще один ребенок нужен будет. Да-да, не спорьте. Это просто подарок.

Уловив смысл моих слов, она рассмеялась.

— Знаете, прозвучало как безобидная и даже смешная угроза. Но я вас поняла. И с второй беременностью — к нам приходите. А конверт все-таки оставьте при себе, вам содержимое тоже пригодится. Мне пора.

Вернув конверт, она еще раз улыбнулась и закрыла дверь.

Я стоял в коридоре, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Сын. Три восемьсот пятьдесят. Здоровый, сильный. Что-что, а уж военным он точно не будет. Хватит в семье и одного человека в погонах. Я вытер глаза рукавом — скупые слезы радости, не сдержался.

Потом вышел на крыльцо, вдохнул прохладный утренний воздух. Небо уже светлело, на востоке занималась заря. Я сел в машину, положил руки на руль и долго сидел так, глядя в никуда.

Вот он новый жизненный этап, новая точка отсчета. Теперь я — отец. Ответственность не только за себя, не только за Лену, но и за маленького человека, что лежит сейчас, заботливо завернутый в пеленку.

Я завел двигатель и поехал домой. Нужно было отдохнуть, привести себя в порядок. А через три часа — снова в роддом, с цветами, с подарками. Черт возьми, нужно же еще и мою маму обрадовать, что она стала бабушкой. А еще позвонить Михаилу Михайловичу. Вот дед будет доволен!

14 Ноября 1988 года. Москва.

Я сидел в своем кабинете на Большой Ордынке и перекладывал бумаги. Делать было нечего — текучка, аналитические сводки, отчеты о внутренних угрозах. Скукота смертная.

После того как меня отстранили от «Спектра», расследование провели как попало. Затянули, естественно. Наша разведка так и не получила достоверные сведения, что Усама Бен Ладен был ликвидирован в результате удара. Неофициально, афганский ХАД и пакистанские ИСИ вроде как подтверждали смерть террориста, но останков тела так и не нашли. Или нашли, но утаили. Политический скандал вовремя замяли, чего это стоило для СССР — сложно сказать. Да, если честно, мне не было до этого дела. Я свою работу сделал.

В результате бессмысленных организационно-штатных мероприятий, меня несколько раз перемещали из одного отдела в другой, пока я не вернулся в отдел к майору Игнатьеву. Старая работа, которую я знал достаточно хорошо. Но и здесь я работал со всякой мелочью — ничего серьезного, так, одна шелуха. Проверять отчеты по командировкам, анализировать донесения и рапорты, писать заключения. Никакой тебе разведки, никаких спецопераций. Сиди в душном кабинете, перебирай бумажки и считай дни до отпуска.

И это хорошо. Ведь я теперь семейный человек. Уходил из дома по утрам нехотя, зато обратно летел на всех парах, весело помахивая рюкзаком.

Сына мы называли Егором. Теперь трехмесячный Егор Максимович Громов лежал в кроватке и уже вовсю что-то там агукал и кряхтел.

Моя мама первые три недели помогала Лене с малышом, пока я ожидал решения относительно моей дальнейшей службы. Радостный Лось примчался с самой Астрахани уже на второй день и зачем-то притащил с собой трехколесный велосипед. Смешно, конечно, учитывая, что велосипед пригодится только года через три. Но все же.

Эти первые дни были сложными, интересными и запомнились на всю жизнь.

Домой я возвращался почти всегда в одно и то же время. Задержек по работе не было — все стандартно, по регламенту. Лена ждала с ужином, сын либо спал в кроватке, либо на простынях разбрасывал погремушки. Я брал его на руки, смотрел в крошечное лицо и думал — ради этого стоило рисковать. Ради этого стоило жить, без всяких сомнений. Их безопасность — моя главная цель.

Но в глубине души сидела старая боль. Нет, не по войне, по делу. По чувству, что ты нужен, что от тебя что-то зависит, но тебя попросту убрали в сторону. А здесь — пустота. Канцелярия. Бумажки.

Десятого ноября, я допивал остывший чай, когда в дверь постучали. Вошел Игнатьев, лицо напряженное.

— Макс, — сказал он. — Генерал Хорев вызывает. Срочно.

— Хорев? — я поднял бровь. — Серьезно?! Я его четыре месяца не видел. Он что, наконец-то про меня вспомнил? Интересно, в каком ключе?

— Макс, я не знаю. И давай без этого?! Он не один, тобой интересуются! — Игнатьев понизил голос. — Люди из Генерального Штаба. Из окружения, скажем так. Не наломай дров, хорошо?

Я кивнул, поправил китель и вышел.

Кабинет Хорева находился на втором этаже. Я поднялся, постучал. Голос генерала — хриплый, усталый — пригласил войти.

Внутри было накурено. Хорев сидел за столом, по бокам от него — двое генерал-полковников. Один сухой, подтянутый, с седыми висками. Второй — грузный, с тяжелым взглядом. Я таких не знал, у нас этих товарищей в командовании не было. Эти, может, и из ГРУ, но явно кабинетные. Причем настолько, что сами скоро предметом интерьера станут. Что же заставило их явиться сюда?

— Товарищ капитан Громов, — сказал Хорев. — Проходите.

Странная вежливость со стороны Хорева. Явно что-то назревает. По голосу понятно. Я вошел, встал по стойке смирно.

— Здравия желаю, товарищи офицеры.

Сухой кивнул, грузный даже не посмотрел в мою сторону, вместо этого он открыл папку, что лежала перед ним на столе.

— Садитесь, — сказал Хорев.

Я сел. Молча окинул их выжидательным взглядом. Мол, может, уже перейдем к делу?

— У меня к вам разговор. Неофициальный. Но серьезный.

Я молча ждал.

— Вы знали, чем занимался ваш отец последние годы? — спросил сухой.

Я напрягся. Отец? Сергей Алексеевич Громов... Вот уж чего я совершенно не ожидал от них услышать. Это имя всплыло неожиданно. После того случая, когда он приезжал к нам с матерью в Батайск из Германии, я ничего о нем не слышал. Он спешно уехал в ГДР, потом вроде как куда-то в Арктику. И с тех пор больше никаких вестей. Да, честно говоря, меня его судьба не сильно-то и волновала. Привык я уже обходиться без него, а крепкая обида еще с прошлой жизни никуда не делась, а может даже, стала еще сильнее.

— Нет, даже понятия не имею, — спокойно ответил я. — Он упоминал, что работал над каким-то научным проектом, который был важным, но из-за него были какие-то проблемы. Потом он вернулся в Германию. Вот вроде и все. Каких-либо подробностей он не сообщал. А что, это имеет какое-то значение?

— Имеет, — сказал грузный, впервые подав голос. — Ваш отец работал на государство. На оборонную промышленность. В закрытом научно-исследовательском комплексе, в одном из неприступных районов в Арктике. Над чем именно — вам знать и не положено. Скажу только, что это имело прямое отношение к секретным военным разработкам страны.

Я слушал, стараясь не выдавать эмоций. Военные разработки. Арктика. Закрытый комплекс. В голове само собой всплыли штампы из шпионских романов. У Советского Союза секретов хватало, от некоторых аж волосы дыбом.

— Две недели назад связь с комплексом прервалась, — продолжил сухой. — Туда направили вертолет с проверочной группой. Вертолет пропал. Ни обломков, ни следов. Ни сигнала бедствия.

— Пропал? — переспросил я. — Как это, пропал? Вертолеты сами по себе не пропадают, даже если случается авария.

— Исчез. И все, — жестко сказал грузный. — Без объяснений. Мы уже собирались списать все на техногенную катастрофу, когда...

Он замолчал, посмотрел на Хорева. Тот кивнул.

— Когда из того района зафиксировали радиосигнал, — сказал генерал, — в котором угадывался обрывок речи. Говоривший на том конце назвался вашим отцом, сказал, что возникла серьезная проблема. И что связь скоро опять оборвется.

У меня перехватило дыхание.

— По голосу, это вполне мог быть ваш отец, — ответил Хорев. — Мы провели идентификацию. Вероятность совпадения — семьдесят восемь процентов.

— Допустим. И что ему нужно?

— Не ему. Нам, — сказал сухой. — Нам нужно выяснить, что произошло на объекте. Куда и почему пропал вертолет, есть ли выжившие. Почему комплекс молчал несколько недель. И, разумеется, эвакуировать людей. Сложность в том, что ранее, около месяца назад, неподалеку от объекта были замечены американцы. Сейчас там никого нет, к тому же еще и погода испортилась. Перелеты невозможны.

Он сделал паузу, давая мне осмыслить услышанное.

— В связи с этим принято решение сформировать спасательную экспедицию. Наземную, частично морем. Группа из десяти человек, во главе с опытным полярником. Но нам нужен тот, кто знает вашего отца лично. Кто сможет войти с ним в контакт, оценить его состояние. Понимаете?

— Вы хотите, чтобы я поехал? — сказал я.

— Мы предлагаем, — поправил Хорев, намекая на тот разговор, что у нас был ранее. — Не приказываем. Решение за вами. Пока за вами.

Я посмотрел на него, потом на генерал-полковников. Сухой сидел с каменным лицом, грузный буравил меня взглядом. Хорев выглядел усталым, но в глазах читалось что-то еще. Может быть, надежда.

— Нет, — сказал я.

— Что? — переспросил грузный.

— Я отказываюсь. Не поеду.

В кабинете повисла тишина. Сухой медленно повернул голову, посмотрел на меня так, словно видел впервые. Такого ответа они не ожидали.

— Товарищ капитан, вы понимаете, что отказ в такой ситуации...

— Понимаю, — перебил я. — Но у меня семья. Жена, маленький ребенок. Я и так перелетная птица — то Афган, то Сирия, то Пакистан. А потом, если помните, меня признали занозой в заднице! Уж извините за тон, но юлить я не буду. А теперь вы предлагаете мне лететь на край света, неизвестно куда, неизвестно зачем. Нет. Пусть едут те, у кого нет детей.

— Громов... — начал Хорев.

— Товарищ генерал, — я повернулся к нему. — Я уважаю вас. Но не просите. Я не могу. Не сейчас.

Хорев замолчал. Генерал-полковники переглянулись. Грузный хмыкнул. Ответ им не понравился, очевидно. Но ведь мне и не приказывали, а только предлагали. Акцент был именно на этом.

— Хорошо, — без каких-либо эмоций, подал голос сухой. — Вы свободны. Но имейте в виду: вопрос о вашем отце не закрыт. Тем не менее, рекомендую подумать еще. Пока есть время.

Я встал, козырнул и вышел.

В коридоре меня ждал Игнатьев.

— Ну что? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. — Предлагали отцовский долг отдать. Я отказался.

Игнатьев присвистнул.

— Крепко они на тебя смотрят. Явно что-то назревает.

— Пусть смотрят. У меня теперь сын. И жена. Они важнее.

Я спустился в свой кабинет, собрал негрифованные бумаги и поехал домой. Лена заканчивала кормить ребенка, увидела меня — улыбнулась.

— Что-то случилось? — спросила она, заподозрив изменения в моем обычном поведении.

— Нет. Все нормально. Позже расскажу.

Я подошел, взял сына на руки. Он был теплым, пах молоком. Улыбался. Я смотрел в его глаза — ясные, чистые — и невольно думал об отце. Пытался заставить себя не думать, но получалось плохо.

Значит, он не в Германии? Какого черта его снова понесло в Арктику? Что за тайну он хранит, чего он мне тогда не сказал?

Есть какая-то проблема. Но я не поеду, не стоит на меня рассчитывать. Не сейчас. Потому что мой сын не должен расти без отца, как вырос я. Я должен оберегать его тех ошибок, свидетелем которых был сам. На этот раз я выбираю семью.

Однако вскоре мне пришлось изменить свое решение...

Глава 5. Беркутов

Прошло три дня.

Меня больше никуда не вызывали, я просто продолжал рутинно заниматься своими обязанностями аналитика. Но как по мне, то я занимался ерундой.

Утром — метро, потом кабинет, бумаги, чай, снова бумаги. Обед, опять бумаги. Вечером — домой, к Лене, к Егору.

Я брал сына на руки, качал, бродил по квартире, гулял на улице. В такие моменты я напрочь забывал про службу и все остальное. Мир вокруг меня менялся, все уходило куда-то на второй план. Ведь главное — это семья, ничего другого не может и не должно стоять выше.

Конечно, периодически я вспоминал про разговор в кабинете Хорева и от этого мне становилось не по себе. Где-то в глубине души я понимал, что не должен принимать такую позицию. Да, отец тогда совершил ошибку. Не знаю, понимал ли он в полной мере то, что сделал, но тот факт, что он пытался загладить вину — налицо.

Я дважды звонил матери в Батайск, уточнял, знает ли она что-нибудь о нем и когда были последние новости, но ответ был одним и тем же — он улетел обратно в ГДР и с тех пор о нем ничего не было слышно. Сопоставив то, что я услышал в кабинете генерал-майора Хорева, я сделал предварительный вывод, что отец находится в Арктике на каком-то закрытом военном объекте, причем явно не по своей воле.

Связи с персоналом объекта не было, а вертолет, посланный на место, сбился с пути и, судя по всему, потерпел крушение где-то во льдах или в море. Ко всему прочему, сейчас погода не позволяла использовать авиацию в том районе, а ввиду того, что объект закрытый и засекреченный, развернуть полномасштабную спасательную операцию тем более было нельзя. Озабоченность командования понятна, время шло, а решения не было. Только непонятен момент, каким боком тут замешано ГРУ и что это были за генералы?!

Почему попытались привлечь меня? Наверняка кто-то из КГБ подсказал, ведь у них на меня много чего собрано — я для Комитета личность по-прежнему интересная, хоть это и не афишируется.

Да, у командования есть проблема. Вот только меня все это не касается!

Больше нет. Я так решил.

И тем не менее внутри меня шла борьба. Чуйка, которая никогда меня не подводила, все равно не давала покоя. Словно бы своим бездействием я совершал ошибку, о которой потом пожалею. Нет, ошибку вовсе не потому, что отказывал генералам, а потому, что как ни крути, а Сергей Громов был моим отцом.

Я по-прежнему держал на него обиду, но в последние дни старался не думать об этом, зарывался в отчеты. Но как ни крути, а сложно пытаться обмануть самого себя.

Четырнадцатого ноября, ближе к концу рабочего дня, вдруг зазвонил телефон. Городской, не внутренний.

Я снял трубку.

— Громов, слушаю! — сказал я.

— Максим? — из динамика раздался знакомый голос, искаженный внешним шумом и порывами ветра. — Это Кикоть!

На мгновение я замер. Его голос был знаком, хотя я не слышал о Викторе уже больше полугода. Майор Кикоть, бывший КГБ-шник, который изрядно потрепал мне нервы, пытаясь доказать, что я иностранный шпион, теперь чекист в отставке. Вернее, даже не чекист. Так, не пойми кто.

После той беспрецедентной операции в Сирии, в которой я, прапорщик Лось, Лейла и группа «Зет» вытаскивали мою супругу из лап ЦРУ, он как сквозь землю провалился. Ну да,

Виктор Викторович в своем репертуаре — пропадает в никуда и появляется оттуда же, причем без предупреждения и в тот самый момент, когда его меньше всего ждёшь.

— Ого, неожиданно! — чуть улыбнувшись, произнес я, не поверив своим ушам. — Полагаю, что-то случилось?

— С чего ты так решил?

— С того, что каждый раз, как ты появляешься в моей жизни, непременно происходит что-нибудь хреновое. Что на этот раз?

Тот вздохнул — вероятно, я угадал. Но отвечать он не торопился. Медлил.

— Так что, ты по делу или просто поздороваться? — надавил я, слушая в динамике внешний шум, доносившийся с улицы.

— Я в Москве, — голос его прозвучал как-то глухо. — Нам нужно встретиться. Есть разговор.

— О чем?

— Не по телефону. Это важно. Сегодня вечером, после работы. Сможешь?

Я посмотрел на часы. До конца рабочего дня чуть меньше часа. Я, как обычно, намеревался сразу же выдвигаться домой, чтобы поскорее доехать домой и увидеть жену с сыном. У нас в гостях был отец Лены, прапорщик Лось — планировалось небольшое застолье по случаю его дня рождения.

— Ну... если это действительно важно, то можно! — нехотя отозвался я, хотя перспектива встречи с бывшим чекистом меня совсем не радовала. Виктор — собеседник не самый приятный.

— Хорошо. Красная площадь. Ближайшая станция метро, в семь. Либо там, либо у входа в ГИМ.

— Принял. До встречи.

— Приходи один, — зачем-то добавил он и повесил трубку. Странное уточнение, когда это я тащил за собой кого-то еще, учитывая характер и непонятный род деятельности Кикотя?

Опять вокруг меня что-то происходит, я это затылком чувствовал. Чуйка тоже беспокоилась.

Кикоть в Москве не просто так, он вообще ничего просто так не делает. Но что же ему от меня нужно? Почему такая срочность? Что он забыл в Москве? Он же вроде пустил корни где-то на юге, намереваясь уйти на бессрочный отдых...

Ответов не было. Только тянущее чувство тревоги и беспокойства.

Ровно в шесть я закрыл свой кабинет, спустился вниз и сдал ключи под охрану. Обычная процедура.

Направился в гардеробную.

Осень в Москве в этом году была ранняя, но холодная — уже в конце октября выпал первый снег, а к середине ноября температура постоянно болталась в районе нуля градусов. Накинув теплую куртку и шапку, я вышел на улицу и двинулся напрямик к ближайшей станции метро.

Станция «Курская». Эскалатор, толчея, запах пота и дешевых духов. Резко возникающие и исчезающие плотные потоки холодного воздуха, шум и грохот. Людской гомон, объявления диспетчера.

Я ехал и думал о том, что за последние месяцы уже начал привыкать к суете больших городов. После Афганистана и Сирии, она казалась мне лишней, странной. Иногда она раздражала, от нее хотелось скрыться, хотя я и понимал, что это ненормально. Постепенно это чувство медленно растворялось, а я становился частью людской массы, спешащей по своим делам.

Наверху былолюдно. Туристы, москвичи, продавцы сувениров, которые почти никто не покупал из-за холода и мерзкой погоды.

На улице уже стемнело.

Я огляделся, ища знакомую фигуру. Пара минут и я отыскал его.

Майор Кикоть стоял почти у самого выхода, в длинном черном пальто и шапке-ушанке. Лицо уставшее, бледное. Небритое. Сразу ясно, что летом майор не на пляже отдыхал и не картошку копал. Видимо, по привычке предпочитал работать вне свежего воздуха. Казалось, он постарел еще больше.

— Ну привет, Громов! — сказал он, когда я подошел почти вплотную. Голос его был хриплым, как и всегда. После бегства из Лагеря Смерти, майор постоянно курил и был какой-то дерганный.

— И вам не хворать, Виктор Викторович! — ответил я. — Если бы я был врачом, я бы сказал, что вам нужен отдых. Длительный.

— Он мне ни к чему. Ты же знаешь.

— Ну, все меняется. Вдруг что-то изменилось?

Он покачал головой, достал пачку сигарет, закурил. Я ждал.

— Пойдем, — сказал он, кивнув в сторону выхода из метро. — Там воздух чище. Терпеть не могу запах метро, но так проще всего попасть из одного конца города в другой. И здесь легко следить за людьми.

Некоторое время мы шли молча. Виктор курил, а на его лице застыло странное выражение. Он как будто бы все ещё сомневался, стоит ли говорить со мной.

— Громов... я давно уже перестал удивляться тому, что на тебе мой профессионализм сломался, — наконец сказал он. — Именно ты стал причиной того, что я словно слепой, бился головой в стену, пытаюсь увидеть в тебе врага. Тщетно. Мы не первый раз об этом говорим, но все же... чувствую себя виноватым, в некотором роде. Знаешь, а я ведь и родственников твоих проверял. Причем, основательно, по всем направлениям.

— Ну и как? — сухо спросил я. — Много накопал?

— Нет, не много! — тот угрюмо покачал головой. — Я считал, что найду какой-нибудь изъян в твоём деле, какую-нибудь нестыковку. Но, я смотрел не туда. Мать — совершенно обычная женщина, а вот отец... Вроде бы на первый взгляд — тоже ничего особенного. Но на самом деле нет. Да, он научный сотрудник одного из оборонных НИИ, расположенных за полярным кругом, но его род деятельности оказался засекречен. У КГБ тоже не везде доступ есть, так далеко копать мне не дали. Да я и не сразу понял, почему. Все выглядело так, будто он просто пропал, ведь его биография и впрямь скудная. Я ещё тогда закинул удочки, но долгое время мой информатор упорно молчал и я уже не надеялся на результат, когда... в общем, неделю назад ко мне попала интересная информация.

Он потушил сигарету, повернулся ко мне.

— Твой отец, Сергей Громов, числится в архивах как сотрудник одного закрытого НИИ, специализирующегося на работе с новыми типами вооружения. Что он там делает — не знаю. Гриф «Совершенно секретно» говорит сам за себя. Но я нашел человека, который работал в той же области и знал его. Вернее, поддерживал связь.

— И что?

— Суть не в этом. В марте этого года твоего отца отправили в командировку на север. Отправили из ГДР, а не из Союза. Понимаешь? Причем, отправили в спешном порядке, в режиме секретности, возможно, даже против его воли. Отправили куда-то в Архангельскую область. А оттуда еще дальше, на пустынные острова, расположенные в Северно-Ледовитом океане.

— Про север не знаю, но он что-то упоминал про Арктику.

— Упоминал, — кивнул Кикоть. — Но не говорил, что все связано с неким «Объектом 82». Так? Любопытно, что в августе восемьдесят четвертого года этот объект был закрыт. Не законсервирован, а именно закрыт. Персонал как будто бы исчез из всех архивов. Кого-то перевели, а кто-то просто пропал. Ни документов, ни приказов. Все как сквозь землю.

Я слушал, и внутри нарастало напряжение.

— Мой источник, — продолжил Кикоть, — который начал копать эту тему, сам исчез три недели назад. Вышел из дома и больше его никто не видел. Милиция тоже ничего не нашла. Официально — он уехал в длительную командировку. Но я точно знаю, что он никуда не собирался.

— Убрали? — предположил я.

— Не знаю, но такого варианта я тоже не исключаю. Важно другое, твой отец не вернулся из той командировки. Понимаешь, о чем я?

— Да, — я заколебался, стоит ли говорить Виктору, но почти сразу принял решение. — Буквально три дня назад мне сделали предложение, чтобы я участвовал в некой экспедиции, на тот самый объект, где якобы работал отец. Что, вроде как, оттуда был получен сигнал бедствия... не знаю. Голос говорившего, после идентификации, подтвердил догадку — это мог быть мой отец.

— Хм, любопытно, — заметил Кикоть, глубоко задумавшись. — Понимаешь, что это значит?

— Что меня опять пытаются использовать втемную? Снова чьи-то интересы, в которых меня хотели использовать как пешку, чтобы решать чьи-то проблемы. Как тогда, в Афганистане с бункером, где до войны шло производство БОВ. А дальше — как получится.

— Возможно. Просто у меня предчувствие, что в этой истории что-то нечисто. Если твой отец жив и в беде, может быть так, что ты его единственная надежда. А может, и нет.

Я молчал. Мысль билась в голове, как птица в клетке. Виктор вроде бы не сообщил ничего, что можно было приобщить к этому делу, но заставил по-другому взглянуть на ситуацию. В целом, одни догадки и предположения, словно кто-то пытался играть в игру, в которой не знаешь правил.

— А ты отказался?

— Да, Виктор. Семья важнее.

— Хм, пожалуй, я не тот человек, что может комментировать твои слова насчет семьи...

— Зачем ты в это полез? — спросил я в лоб. Все это время меня преследовала мысль о том, что Виктор снова лезет не в свое дело. Как, впрочем, всегда.

— Потому что я не могу сидеть сложа руки, — ответил Кикоть. — Я все еще тебе должен, помнишь? Ты вытащил мою шкуру из Пакистана и только поэтому я здесь, живой и здоровый. Да, может, в голове у меня тараканы, но это неважно. Я буду и дальше помогать, насколько это возможно. Хотя бы так. И Максим, твой отец, может быть, и не герой, но он человек. И он заслуживает, чтобы ты ему помог, в какую бы неприятную историю он там ни вляпался. Если, конечно, он еще жив. Ты должен ехать, не сомневайся.

— Может быть, — пробормотал я. — Может быть.

Он достал еще одну сигарету, закурил. Дым медленно растворялся в холодном воздухе.

— Ты отказался. И я понимаю почему. Семья, ребенок. Но если ты передумаешь — времени мало и еще не поздно все изменить. Экспедицию собирают или уже собрали, но вряд ли она уже покинула Москву. Такие вещи быстро не происходят. И если ты не принял их предложение, то кто-то другой поедет вместо тебя. И тут важный момент — он не будет искать твоего отца. Он будет выполнять приказ. А какой именно — можно только догадываться!

— Я тебя понял, Виктор! — тихо отозвался я. В голове уже запустился аналитический процесс.

— Хорошо. Значит, я свое дело сделал! — он посмотрел на часы. — А теперь — извини, мне пора.

Он протянул меня руку — помедлив, я ответил на рукопожатие. Затем Кикоть развернулся и пошел прочь. Я несколько секунд смотрел ему вслед, пока он не растворился в темноте.

Домой я ехал в метро, переваривая услышанное. Кикоть был прав — от меня скрывают правду. И не только от меня — от всех. Быть может, что-то случилось на том объекте? Что-то, о чем не хотят говорить. А я им нужен как звено, которое поможет прояснить картину? Как — тоже пока неясно.

Даже Хорев не сказал мне напрямую — отец пропал, нужно его найти. Мол, это в интересах страны и твоей семьи в том числе. Зачем вся эта секретность?

Ответа не было. Только чувство, что я должен действовать.

Я вышел из метро, достал из кармана телефонную карточку. Нашел автомат на улице, набрал номер генерал-лейтенанта Хорева.

Долгие гудки. Потом щелчок, потрескивание и знакомый голос.

— Хорев, слушаю! — раздался крепкий голос.

— Это Хорек. Я передумал. Насчет той экспедиции. Когда приступить?

Пауза. Генерал молчал так долго, что я подумал — связь оборвалась.

— Максим, — наконец сказал он. — Это не мой вопрос. И не был моим.

— Что?

— Сразу после твоего отказа, меня отстранили от работы. Точнее, с тобой. Вопрос передан другим людям. Теперь я бессилен и ничем не могу тебе помочь. Я понимаю, почему ты отказался, и я бы на твоём месте поступил бы так же. Наверное.

— Но вы же...

— Не могу, — жестко перебил он. — Извини, Максим.

Он положил трубку. Я стоял у автомата, сжимая трубку в руке. Отстранили? Значит, Хорева после моего отказа отодвинули в сторону? Ни хрена себе! Значит, те генералы — они рулят всем. Что, черт возьми, происходит?

Я повесил издающую монотонные гудки трубку, вышел на улицу. Легкий мороз кусал щеки, но я не чувствовал холода.

Домой. Сейчас главное — домой. К Лене, к Егору. День рождения Михаила Михайловича.

Я доехал до своего района, свернул во двор. С момента разговора прошло примерно минут сорок.

И сразу заметил: у подъезда стоит черная «Волга». Это не такси, это тот самый тип машин, которые используются с одной-единственной целью. Штатская, но с тонированными стеклами. И двое крепких мужчин в пальто стоят рядом, переминаются с ноги на ногу.

Я напрягся, быстро прикинул в голове варианты. Однако угрозы от них не чувствовалось, чуйка тоже молчала.

Увидев меня, они переглянулись. Неторопливо двинулись навстречу.

— Капитан Громов? — спросил один.

— Да, — ответил я. — Кто вы такие?

— Нам велели вас подождать. Не могли бы вы пройти в машину? Разговор есть.

— О чем разговор? — я не торопился следовать их указаниям.

— В машине обо всем узнаете.

Я посмотрел на «Волгу». Стекло тонированное, но в заднем окне угадывался силуэт. Кто-то сидел там, ждал.

— Хорошо, — сказал я.

Мужчины расступились, открыли дверь. Я сел внутрь.

В салоне было тепло, пахло кожей и дорогим табаком. На заднем сиденье, откинувшись на спинку, сидел тот самый сухой генерал-полковник. Только сейчас он был в гражданской форме.

Седые виски, острый взгляд. На коленях — плотная папка.

— Здравствуйте, товарищ капитан, — безо всяких эмоций произнес он, чуть повернув ко мне голову. — Садитесь. Поговорим.

Я сел. Дверь закрылась, и машина тронулась.

— Куда мы едем? — спросил я.

— Просто покатаемся. Разговор не для чужих ушей.

Водитель остановился на выезде со двора, затем машина тронулась с места, свернув направо.

— Вы знаете, зачем я вас позвал? — спросил офицер.

— Догадываюсь.

— Хорошо. Тогда не буду ходить вокруг. Моя фамилия Беркутов. Генерал-полковник Беркутов. Я курирую вопрос, косвенно связанный с вашим отцом и засекреченным объектом, где он работал. В кабинете вашего начальника было сказано далеко не все. Ну, вы же понимаете...

— Да. Я тогда отказался.

— Знаю, — кивнул Беркутов. — Но вы передумали. Я слышал ваш разговор с Хоревым. Я удивился, но виду не подал.

— Хорев — хороший офицер, — продолжил он. — Он отстранен не просто так, но это временная мера. Он слишком... эмоционально относился к вам. Мешал объективно смотреть на вещи.

— Что значит — объективно?

Беркутов вздохнул, потер переносицу.

— Объект, где работал ваш отец, имел стратегическое значение. Не буду вдаваться в подробности — скажу только, что то, над чем он работал, могло закончить Холодную Войну. Не в нашу пользу. Поэтому информация была засекречена, а сам объект — изолирован.

— И что случилось?

— Случилось то, чего не должно было случиться. Связь прервалась. Не было никаких контактов. Вертолет с проверочной группой бесследно пропал. А потом был радиосигнал.

— Почему вы хотите, чтобы поехал именно я?

— Я хочу предложить вам сделку, — поправил Беркутов. — Помогаете нам выяснить, что произошло, а заодно помогаете своему отцу. Взамен КГБ снимает все ограничения. Вы возвращаетесь в «Спектр». В прежней должности. Или, если захотите, с повышением.

Все более чем серьезно. Надо же.

— Звучит заманчиво, — медленно произнес я. — Но почему я? Почему не кто-то другой?

— Потому что вы капитан Громов! — жестко сказал Беркутов. — Лучше вас кандидата не найти. Вы всегда и во всем выходите победителем. Вы — разведчик, и вы знаете, как действовать в экстремальных условиях. Мыслите нестандартно. И потому что, — он помолчал, — вы его сын.

Я молчал. Машина тем временем свернула в какой-то переулок, остановилась. Повисла тишина, только мотор урчал.

— Я согласен, — сказал я.

— Мы были уверены, что вы передумаете, — сухо усмехнулся Беркутов. Он протянул мне папку.

— Здесь — документы, карта, инструкции. Экспедиция вылетает в Архангельск завтра днем... Рекомендую подготовиться!

Глава 6. В Архангельск

Меня быстро привезли обратно к дому, ехали молча. Беркутов тактично давал мне время все обдумать и если нужно, задать вопросы. Но я молчал.

Когда машина остановилась у подъезда, я уже открыл дверь и собирался выйти наружу, когда генерал-полковник произнес:

— Удачи, товарищ капитан!

Кивнув, я покинул «Волгу» и захлопнул дверь. Почти сразу же машина тронулась с места и быстро покинула двор, скрывшись в темноте. Проводив ее взглядом, я посмотрел на часы — половина девятого. М-да, быстро приехать домой после встречи с Кикотом не получилось.

Я перевел взгляд на окна нашей квартиры — везде горел свет, прапорщик Лось наверняка на месте. Хорошо, что хоть супругу заранее предупредил о том, что задержусь на службе. Такое еще случалось, но уже куда реже, чем в то время, когда я был начальником «Спектра».

Толкнув тяжелую дверь подъезда, я быстро поднялся на наш этаж. Вытащил связку ключей, но они не понадобились — дверь в квартиру была не заперта. Дома пахло жареным мясом, свежим хлебом и еще чем-то сладким. Тихонько играла музыка.

Лена хлопотала на кухне, Лось сидел в зале, листал газету. Услышав шум в коридоре, он вышел проверить. Увидев меня в полумраке, он обрадовался.

— А вот и зять пожаловал! Уже заждались тебя! — довольно произнес он, протягивая руку. — Что-то случилось? Опять на службе задержали?

— Михаил Михайлович, — ответил я, пожимая ему руку. — Извините, что так поздно. Задержали. Кстати, с днем рождения вас! Сколько стукнуло? Восемнадцать-то хоть есть?

— Конечно, мне восемнадцать и есть, а все остальное — это выслуга лет! — усмехнулся Лось.

Лена показалась из кухни. Подошла, поцеловала.

— Правильно! — рассмеялся я. — Так, ну что, нужно накрывать стол?

Я прошел в спальню, положил папку на стол. Сын лежал в кровати, размахивая ручками и дергая погремушку. Я подошел, приподнял его, поцеловал. Теплый, пахнет молоком и чем-то детским, неувлимо приятным.

— Ну что, Егор Максимович, рассказывай, как твои дела! — произнес я, глядя на малыша. Тот агукнул в ответ и улыбнулся.

— Понятно, — я выключил музыку в прихожей и вернулся обратно. — Кушал уже?

— Агу-гу...

— Вот оно что? Ну, я с тобой согласен. — улыбнулся я. — Знаете, Егор Максимович, а может, будем спать ложиться?

Тот опять агукнул. Взял его на руки, покачал несколько минут, тот и заснул. Я аккуратно переложил его обратно в кровать. Потушил свет.

— Максим, — Лена заглянула в комнату и улыбнулась. — Ты чего тут?

— Т-с-с! Тут тихий час наступил.

— А, понятно. Как на службе дела?

— Да так... — отмахнулся я, не став делать акцент на этом моменте.

— Хорошо. Идем на кухню, стол почти накрыт. А то уже и так поздно.

Ужинали вдвоем. Я произнес тост. Мы с Михаилом Михайловичем выпили по паре стопок коньяка, а Лена пила компот. Лось рассказывал про Астрахань, про дела в станице, про то, как к нему в гости сослуживцы в сентябре приезжали. Про рыбалку, про свою пасеку и многое другое. Я слушал вполуха, ковырял вилкой мясо.

Лена заметила. Придвинулась поближе.

— Максим, — шепнула она, — что-то случилось?

Я посмотрел на нее внимательным взглядом, потом на Лося.

— Потом поговорим, — отозвался я. — Это сейчас не так уж и важно.

Потом мы обсуждали успехи Егора, последние новости. Прапорщик спрашивал меня про службу, про дальнейшие перспективы. Я ему заявил, что твердо намерен уволиться со службы, если меня попытаются снова отправить в горячую точку вроде Афганистана или Сирии. В принципе, работа аналитика в отделе у Игнатьева была неплохой с точки зрения довольствия и безопасности, но душа у меня к ней не лежала. Не мое.

После ужина Лось ушел в зал, смотреть телевизор. Мы с Леной остались на кухне. Я помыл посуду, она вытерла. Потом сели за стол.

— Рассказывай, — сказала она. — Вижу же, что-то не так!

Я принес из комнаты папку, положил перед собой. Но открывать не стал. В принципе, там ничего секретного не было — Беркутов не стал бы так просто светить секретами.

— Лена, мне нужно уехать. На несколько дней. Может, на неделю.

Она побледнела.

— Опять? Куда теперь? Афган?

— Нет, — я покачал головой. — На север. В Архангельскую область. Дальше — на острова.

— Зачем? — голос дрогнул. Мои слова ее удивили, поскольку такого ответа она точно не ожидала.

Я помолчал. Собрался с мыслями.

— Три дня назад я был у Хорева. У него были важные люди, судя по всему не из ГРУ. Предложили участвовать в одной экспедиции. Там, на севере, есть закрытый военный объект. С ним пропала связь. И там... — я запнулся, — по совместительству, находится мой отец.

Она уставилась на меня.

— Твой отец? Но откуда он там?

— Да. Он что-то упоминал про Арктику, про научный проект. Я тогда не слушал, а сейчас вот пожалел. В общем, там что-то случилось. Отец выходил на связь, но разобрать что-либо не получилось.

— И ты хочешь отправиться его спасать? — она говорила тихо, но я чувствовал — внутри все кипит. — Максим, он бросил вас с мамой одних, ты же сам говорил. А теперь ты должен лететь через полстраны, чтобы вытаскивать его из какой-то дыры?

— Я знаю, — сказал я. — И я не забыл. Но помочь ему могу только я. Кого бы ни отправили вместо меня, спасти его не в их интересах. Они просто будут выполнять приказы, и все.

— Почему? — тихо спросила она.

— Потому что я не хочу быть таким, как он, — ответил я. — Потому что я хочу, чтобы мой сын знал: его отец не бросает своих. Ни при каких обстоятельствах.

Она замолчала. Я видел, как она борется с собой.

— А если это ловушка? Если там был голос не твоего отца, а подделка? Вдруг они пытаются тебя использовать для чего-то?

— Именно так, — кивнул я. — Пытаются. Беркутов хитрит, играет на чувствах...

Она опустила голову. Я взял ее за руку.

— Лена, я знаю, о чем ты думаешь. Но это другое. Это уже не боевая операция. Это просто экспедиция в Арктику. Ученые, полярники, техника. Там-то стрелять по мне никто не будет. Ну, разве что белые медведи или пингвины.

Лена рассмеялась, видимо, представила себе того самого медведя.

— И потом, — продолжил я. — Я быстро вернусь. Через неделю максимум. И больше никуда не поеду, потому что у них не будет повода меня куда-то отправить. А попытаются надавить, я напишу рапорт на увольнение. Ну, как?

Она подняла глаза. Вздохнула, но сделала это с пониманием.

— И к тому же, Егору нужен второй дедушка. А то одного как-то маловато, не находишь?

— Хорошо, — улыбнулась она. — Иначе ты весь изведешься. Езжай. Но если не вернешься через неделю, я сама прилечу и найду тебя. Хоть на край света.

Я обнял ее, крепко прижал к себе.

— Спасибо, солнце. Как же мне повезло, что моя жена самая понимающая красавица на свете!

— Иди уже, — усмехнулась она отстранившись. — А в папке что?

— Материалы по заданию. Я предварительно согласился, но конкретного ответа еще не дал. Утром мне позвонят. А пока нужно хотя бы бегло все просмотреть и понять, что к чему и чего они от меня хотят.

— Ну, хорошо. А я пойду Егора проверю.

Супруга ушла в другую комнату, а я достал папку, открыл и начал перебирать содержимое.

Несмотря на толщину папки, документов внутри было немного. Сложенная вчетверо карта, несколько фотографий, распечатки. Я разложил их на столе.

«Объект 82». Остров Рудольфа. Ага... Я вытащил из стола карту мира, развернул ее и принялся искать этот остров. Минута и стало ясно, куда занесло отца. Точка назначения — самый северный остров архипелага Земли Франца-Иосифа.

Я ничего не знал об этой части страны, как-то не пришлось. В советской географии имелось упоминание, что там расположена метеостанция и точка для полярных экспедиций. Ничего больше. Но то, что лежало передо мной, говорило об обратном.

Спутниковые снимки. Какие-то строения, явно не метеостанция. Ангары. Вышка. И несколько зданий, скрытых в скалах.

«Закрытый военный объект», — говорилось в сопроводительной записке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.